

ЯЗЫК СКАЗОК А. С. ПУШКИНА

Сказки А. С. Пушкиным написаны в период времени с 1830 по 1834 год. В 1830 году он начал сказку «Медведиха» («Как весенней теплою порою»); «Сказка о царе Салтане, о сыне его славном и могучем богатыре князе Гвидоне Салтановиче и о прекрасной царевне Лебеди» относится к 1831 году; в том же году была написана «Сказка о попе и работнике его Балде»; «Сказка о рыбаке и рыбке» и «Сказка о мертвой царевне и о семи богатырях» появились в 1833 году, «Сказка о золотом петушке» — в 1834 году.

Интерес к фольклору возник у Пушкина рано. Еще в детстве его интересовали сказки и песни его няни Арины Родионовны, которая обладала замечательным мастерством сказительницы.

Очень рано Пушкин познакомился с сборниками сказок и образцами их литературной обработки. Позднее, в период южной и михайловской ссылки, он тщательно собирает и изучает произведения народного устного творчества — песни, сказки, пословицы, легенды и этнографические документы. В 1824 г., осенью, в письме к брату Л. С. Пушкину поэт пишет: «Вечером *слушаю* сказки и вознаграждаю тем недостатки проклятого своего воспитания. Что за прелесть эти сказки! Каждая есть поэма!»¹. В этом же письме он просит брата выполнить поручение: «Ах, боже мой, чуть не забыл! Вот тебе задача: историческое сухое известие о Сеньке Разине, единственном поэтическом лице русской истории». Песни о Степане Разине и Емельяне Пугачеве очень интересовали Пушкина как в 20-е годы, так и позже — в 30-е, когда он подготавливал материалы для «Истории Пугачева». В Михайловском в 1824 году он записал 7 сказок и несколько песен, в числе которых две о Степане Разине и его сыне².

¹ Цит. по изд. «Библиотека великих писателей» под ред. С. А. Венгера, «Пушкин», 1911 г., т. V, стр. 531—532.

² См. кн. «К столетию со дня гибели А. С. Пушкина. Рукою Пушкина. Несобранные и неопубликованные тексты», Академия, 1935, стр. 453—54, а также ч. I, раздел IX.

Интерес к фольклору у Пушкина неразрывно связан с его занятиями русской историей и изучением русского языка.

В своей полемике с критиками его произведений он неоднократно указывает на то, что для более совершенного овладения русским языком нужно изучать русский фольклор, а также речевой язык народа. Так, критикам «Евгения Онегина», которые находили, что выражение поэта «*Что звук пустой*» недопустимо в художественном произведении, Пушкин отвечал: «Частица «*что*» вместо грубого «*как*» употребляется в песнях и в простонародном нашем наречии, столь чистом, приятном... Вслушивайтесь в простонародные наречия, молодые писатели, — вы в них можете научиться многому, чего не найдете в наших журналах.. Читайте простонародные сказки..., чтобы видеть свойство русского языка»¹.

В своей статье, посвященной предисловию к переводу Лемонте басен Крылова на французский язык, Пушкин пишет, что в своем историческом развитии русский литературный язык шел разнообразными путями, что «простонародное наречие необходимо должно было отделиться от книжного. но впоследствии они сблизились и *такова стихия, данная нам для сообщения наших мыслей*» (подчеркнуто у Пушкина)².

Создавая реалистическую художественную литературу своего времени, создавая русский литературный язык на широкой национальной основе, Пушкин, как к живительному источнику, питающему и литературу и литературный язык, обратился к народному творчеству — сказкам, песням, половицам, поговоркам. В произведениях устного народного творчества он видел подлинную народность, истинное воплощение взглядов самого народа на жизнь общества, на природу. В произведениях русского фольклора он ценил реализм и высокую художественность языка, живописный способ выражаться, так пленявший его в баснях великого русского баснописца И. А. Крылова, который много черпал из неиссякаемого источника русского народного языка³.

Насколько высоко ценил Пушкин авторитет языка фольклора, свидетельствует, например, его полемика с журнальными критиками «Евгения Онегина». На их возражения относительно стихов в XVII строфе пятой главы романа*

¹ А. С. Пушкин, Сочинения, 1938 г., стр. 767—768.

² Там же, стр. 686—687.

³ См. «О предисловии г-на Лемонте к переводу басен И. А. Крылова».

«Лай, хохот, пенье, свист и хлоп, людская молвь и конский топ!» он замечает: «В журналах осуждали слова *хлоп*, *молвь* и *топ*, как неудачное нововведение. Слова эти коренные русские. «Вышел Бова из шатра прохладиться и услышал в чистом поле людскую молвь и конский топ» (Сказка о Бове Королевиче). *Хлоп* употребляется в просторечии вместо *хлопанье*, как *шип* вместо *шипения*.

Он шип пустил по-змеиному.

(Древние русские стихотворения). Не должно мешать свободе нашего богатого и прекрасного языка. (Подчеркнуто Пушкиным)¹.

На те же возражения критика Пушкин писал: «На сие замечу моему критику, что *роп*, *топ* и прочее, употребляют простолудины во многих наших губерниях... Люди, выдающие себя за поборников старых грамматик, должны были бы, по крайней мере, иметь школьные сведения о грамматике и риторике — и иметь хоть малое понятие о свойствах русского языка»².

Поэт не только изучал народное творчество и разговорный язык народа, но и возвратил народу плоды его творческой работы в своих прекрасных сказках. Опыты литературной обработки русских народных сказок у Пушкина начались с 20-х годов, однако расцвет его творческой работы над сюжетами русских народных сказок относится к первой половине 30-х годов. В эти годы усиливается интерес Пушкина к эпическим произведениям народного устного творчества, например, в это время он усиленно работает над «Словом о полку Игореве», «Песнями западных славян». Язык русского фольклора, наравне с разговорным, получает в его произведениях литературные права. Работа Пушкина над сказками является весьма важным этапом в развитии русской литературы и русского литературного языка. А. М. Горький об этом этапе писал: «Пушкин был первым русским писателем, который обратил внимание на народное творчество и ввел его в литературу, не искажая — в угоду государственной идее «народности» и лицемерным тенденциям придворных гусетов, — он украсил народную песню и сказку блеском своего таланта, но оставил неизменным их смысл и силу»³.

¹ См. примеч. к «Евгению Онегину» в кн. «А. С. Пушкин. Евгений Онегин», ОГИЗ, Гослитгиздат, 1947, стр. 177.

² Сочинения, 1938 г., стр. 768.

³ Пушкин, Временник Пушкинской комиссии, т. III, стр. 263.

Язык, как реальное, практическое сознание, всегда тесными, неразрывными узами связан с реальной жизнью. Богатый и выразительный, простой и доходчивый, язык сказок Пушкина неразрывно связан с теми картинами природы и быта, которые изображены в сказках, с теми лицами и их социальным обликом, которые выведены в них. Пушкин хорошо понимал связь языка с бытом, с мировоззрением его носителей. Рассуждая на тему о народности, в 1826 г., в михайловской ссылке, — в те годы, когда он напряженно изучает и быт крестьян, и народное художественное творчество, и историю России, — он писал: «Есть образ мыслей и чувствований, есть тьма обычаев, поверий и привычек, принадлежащих исключительно какому-нибудь народу. Климат, образ правления, вера дают каждому народу особенную физиономию, которая более или менее отражается в зеркале поэзии»¹. «Отличительная черта в наших нравах есть какое-то веселое лукавство ума, насмешливость и живописный способ выражаться», — пишет он в те же годы в статье «О предисловии г-на Лемонте к переводу басен И. А. Крылова». Язык сказок Пушкина глубоко национален, народен, и самое их содержание, их дух, их источник так же русские, национальные, народные.

А. М. Горький видел источник происхождения пушкинских сказок в русском народном творчестве. На русский народный источник сказок указывает ак. А. С. Орлов: «Сказки исполнены в стиле народного быта и представлений, в стиле народного языка, точно выражающего этот быт и представление»². О русском происхождении сказок свидетельствуют и непрерываемые данные записей народных сказок, имеющих в автографах Пушкина³. Среди этих записей имеются записи сказок, сходных с сказками Пушкина о царе Салтане, о Балде, о мертвой царевне. Надпись на рукописи Пушкина, содержащей сказку «О рыбаке и рыбке» и подаренной автором В. И. Далю («Твоя от твоих! Сказочнику казаку Луганскому, сказочник Александр Пушкин»), свидетельствует, по мнению Л. Н. Майкова, о том, что от Даля Пушкин получил материал для этой своей сказки⁴.

И тем не менее ряд авторов уверяет и старается «доказать», что источники сказок Пушкина иноземные — сказки

¹ А. Пушкин, Сочинения, 1938 г., стр. 685.

² А. С. Орлов, «Язык русских писателей», 1948 г., стр. 52.

³ К столетию со дня гибели А. С. Пушкина, стр. 705.

⁴ Там же, стр. 725.

бр. Гриммов (для сказок «О рыбаке и рыбке» и «О мертвой царевне»), сборники итальянских и французских сказок (для сказки «О царе Салтане»), новелла американского писателя Вашингтона Ирвинга «Легенда об арабском звездочете» (для сказки «О золотом петушке»). Только для двух сказок Пушкина эти авторы считают возможным указать русские источники — это для сказки «О попе и работнике его Балде» и «О медведихе»¹. Попытки «доказать», что Пушкин для своих сказок использовал иноземные источники, можно только осудить, как стремление принизить роль Пушкина — родоначальника русской реалистической литературы, как создателя национального русского литературного языка. Желание представить его как писателя, зависевшего в своем творчестве от иностранной литературы, является, по сути дела, стремлением космополитов принизить самобытный характер развития культуры великого русского народа.

Целью настоящей работы является анализ языка сказок Пушкина, установление составных элементов этого языка и их взаимоотношений, показ органической связи его с русским народным языком.

Изучению были подвергнуты мной шесть сказок, написанных Пушкиным: «О царе Салтане», «О попе и работнике его Балде», «О рыбаке и рыбке», «О спящей царевне», «О золотом петушке», «О медведихе».

Язык сказок Пушкина не мог не привлекать внимания исследователей его творчества. В той или иной мере они касались языка его сказок, однако, детальному лингвистическому анализу он почти не подвергался². Лексико-грамматическому анализу языка сказок следовало бы предпослать ана-

¹ Об иноземных источниках сказок Пушкина см., напр., в кн. А. Желанского, «Сказки Пушкина в народном стиле», 1936, стр. 56, М. Аздовского «Литература и фольклор», 1938, стр. 65.

² Языку сказок Пушкина уделено внимание в «Очерках по истории русского литературно-языка XVII — XIX вв.» В. В. Виноградова, 2-е изд., 1938 г., где имеется фразеологический анализ языка сказок «О царе Салтане», «О мертвой царевне», «О золотом петушке» — анализ, впрочем, беглый; данные его приводятся в качестве иллюстраций к тезисам В. В. Виноградова о пушкинских методах синтетизирования литературно-художественного и устно-поэтического творчества (см. стр. 261—263).

Лингвистическому анализу сказки «О мертвой царевне» посвящена статья Е. Василевской, «К характеристике языка сказок Пушкина» (см. «Русский язык в школе», 1936 г., № 6). В статье изложен неверный взгляд автора на источник происхождения сказки: он относит этот источник к гриммовским сказкам. Уделяет внимание анализу языка сказки «О мертвой царевне» и ак. А. С. Орлов в своей кн. «Язык русских писателей», цит. выше, см. стр. 52—54.

лиз содержания их, потому что оно обуславливает выбор автором тех или иных языковых средств выражения мысли. Но так как пушкинские сказки общеизвестны, то достаточно будет некоторых общих замечаний о их содержании.

В сказках изображается русская жизнь, русское общество — от царского двора до бедной рыбацкой землянки; в них нашли свое отражение общественные отношения различных классов, семейный уклад, экономические связи древней Руси с другими странами, картины русской природы. В них, как произведениях определенного жанра с специфическими особенностями стиля, находят место и фантастические, сказочные положения.

Сказки проникнуты бодростью, непоколебимой верой в светлую жизнь, в торжество правды, серьезны по мысли. Автор смотрит на мир, на жизнь глазами народа, оценивает происходящее с точки зрения народа: сочувствует тем, кто борется за правду, осуждает, высмеивает гордых, злых, корыстных, заносчивых, вероломных людей, туенядцев и сладостлюбцев — кто бы они ни были.

Богатый, разностильный язык пушкинских сказок поражает своей точностью, реализмом, экспрессией. В нем в один мощный речевой поток сливаются разнородные струи, идущие из языка древнерусских письменных памятников, фольклора, общей разговорной речи народа, литературного, письменного языка времени Пушкина. Основой является устная народная речь. На языке сказок отразилась огромная работа поэта по отбору необходимых для выражения мысли языковых элементов как современных ему, так и оставшихся от прошедших эпох в качестве языкового наследия.

Язык сказок Пушкина тесно связан, неотделим от языка всего богатого творчества поэта.

Анализ языка сказок располагается в статье по следующим разделам: 1) фонетика, 2) лексика и фразеология, 3) морфология, 4) синтаксис.

1. Фонетические явления языка сказок

В этой части анализа языка пушкинских сказок ставится задача проследить произношение отдельных звуков, некоторых морфем, отметить особенности акцентуации.

1. В ограниченном количестве случаев *Е* под ударением перед твердым согласным в языке сказок произносится не как *ё* ('*ó*), а как *е*: «*И той стражи нет надежней, ни храб-*

рее, ни прилежней» (рифма: надежней—прилежней, сказка

«О царе Салтане»)¹.

Мы отныне *ежедневно*

Вместе будем *непрерывно*...

Выходить из вод морских (сказка «О царе Салтане», рифмуется: *ежедневно-непрерывно*).

Такое же произношение звука *е* следует отметить и в середине некоторых слов (и тоже в ограниченном количестве случаев):

Ждать *царева* возвращенья

Для законного решения (сказка «О царе Салтане»).

Жалко смотрит, грозно воет,

Словно сердце *песье* ноет (сказка «О спящей царевне»).

Произношение *е* под ударением перед твердой согласной в литературном языке в пушкинское время держалось еще сильно как наследие церковно-книжного языка². В ранних произведениях Пушкина оно было далеко не редкостью.

Вот несколько строк из стихотворения «Городок» (1814 г.):

На тройке *принесенной*

Из родины смиренной

В великий град Петра,

От утра до утра

Два года все кружился.

Сняя горным светом,

Бестрепетным полетом

Взлечу на Гелиоса.

Указанное произношение *е* обычно и у современников Пушкина. Ср. у Державина в стихотв. «Горелки»:

Надеждой, самолюбя дщерью,

Весь возбуждается сей свет,

Всяк рвенья прилагает к рвенью,

Чтоб у передних взять *перед*³.

Также у Крылова в баснях:

И зашумели,

Кому из них идти *приличней наперед*?

А в аде первенство, известно, тот *берет*,

¹ «А. С. Пушкин, Стихотворения и сказки», Академия, 1935 г.

² См. о старославянском происхождении слов с е в м. ё и в частности слова «пёс» у Шахматова в «Очерке современного русского литературного языка», 1941 г., стр. 78—79.

³ А. С. Пушкин, «Избранные стихотворения и помы», ГИХЛ, 1934 г.; **стих.** Державина цитир. по изд. «Сочинения Державина», ч. I, 1808 г.

Кто ближнему наделал больше бед.

(«Клеветник и Змея»)¹.

Ко времени написания сказок и в период их появления архаическое произношение ударяемого *e* перед твердой согласной в языке Пушкина встречается значительно реже, чем в более ранние годы его творчества². Достаточно сослаться здесь только на один пример для подтверждения указанного положения: в поэме «Медный всадник», написанной в 1833 г., краткие причастия на *ен* рифмуются с словами на -- *он*, тогда как в поэме «Полтава», написанной в 1828 году, эти причастия рифмуются с словами на — *ен*. Ср. в «Полтаве»:

Его щедротою безмерной
Осыпан, дивно *вознесен*...
Ему ль теперь у двери гроба
Начать учение *измен*...
Тесним мы шведов рать за ратью,
Темнеет слава их *знамен*,
И бога браней благодатью
Наш каждый шаг *запечатлен*³...

В «Полтаве» наряду с указанными рифмами, имеются и новые: *ен-он*: он — *поражён*; он -- *облечён*.

В «Медном всаднике» встречаются только рифмы *ен-он*:

И думал *он*:
Отсель грозить мы будем шведу.
Здесь будет город *заложен*...
...С Парашей будет *он*
Дня на два, на три *разлучен*.
...Он не разбирал дороги
Уж никогда, казалось -- *он*
Не примечал. Он *оглушен*
Был шумом внутренней тревоги...

2. С в возвратных глаголах в языке сказок в частицах *сь, ся* (орфограф.) почти везде мягкое и только в двух случаях (в сказке «О мертвой царевне») — твердое, согласно московскому литературному произношению:

¹ И. А. Крылов, Сочинения. ОГИЗ, т. III, 1946 г.

² Вопрос о нормах произношения *e* под ударением в языке Пушкина в различные годы его творческой деятельности обстоятельно освещен в статье ак. С. П. Обнорского, «Пушкин и нормы русского литературного языка» (см. «Труды юбилейной научной сессии», ЛГУ, секция филологических наук, Л., 1946, (стр. 86 и сл.). Эта работа дает много ценного для понимания фонетических особенностей языка Пушкина.

³ О произношении слова «знамен» см. в цит. статье ак. С. П. Обнорского, стр. 93.

Спрос не грех. Прости ты нас, —
Старший молил, *поклонясь*...
Королевич... пошел...
На прекрасную невесту
Посмотреть еще хоть *раз*.
Вот идет; и *поднялась*
Перед ним гора крутая...

3. Следует отметить произношение слов «заскрипела» (в сказке «О царе Салгане»: «Дверь тихонько *заскрипела*»), «океан» (в той же сказке: «И пустили (бочку) в *окиян*»), «Шамаханская» (в сказке «О золотом петушке»: «...И девица, *Шамаханская* царица... тихо встретила царя»).

Звук *ы* в слове «заскрипела» отражает, несомненно, живую литературную речь того времени, так как слово «скрипеть» имеется в этом фонетическом виде и у других писателей пушкинской поры, например, у Крылова в его баснях («Мот. и Ласточка»: «По снегу хрупкому *скрипят* обозы»)¹, да и сам Пушкин в поэме «Руслан и Людмила» употребляет это слово:

Пол ревнивой
Скрипит под ножкой торопливой.

Однако литературному языку времени Пушкина известна была и форма «скрипеть»; об этом свидетельствует «Словарь церковно-славянского и русского языка», 1847 г. (см. т. IV, стр. 139). Повидимому, одинаково часто употреблялись обе формы. Форму «скрипеть» словарь 1847 г. фиксирует без специальной стилистической пометы (см. т. IV, стр. 140).

В произношении слова «окиян» слышатся, несомненно, отзвуки русского фольклора. Ср., напр., в одном из заговоров: «Есть святое море *окиян*, во святом море *окияне* есть камень Латырь»². Слово «Шамаханский» также имеется в произведениях народного устного творчества, напр., в былинне «Продсбрынюшку Никитича и про Алешеньку Поповича»: «Шамаханьской шелк не рвется, а булатна нить не трётся»³.

4. В языке сказок Пушкина выделяются фонетические явления, связанные с флексией им. прилагательных с твердой основой *-ой-* в имен. и вин. падежах ед. числа мужского рода и с флексией им. прилагательных и местоимений *-ва-* в род. пад. ед. числа мужского рода.

¹ И. А. Крылов, Сочинения, т. III, ОГИЗ, 1946, стр. 153.

² Русский фольклор, хрестоматия, сост. Н. П. Андреев, 1938, стр. 48.

³ Там же, стр. 209.

Флексия *-ой* в именах прилагательных встречается в значительном числе случаев наряду с флексией *-ый*, старославянской по происхождению. Преобладающей в языке сказок Пушкина является книжная флексия — *ый*. Она наблюдается в прилагательных и страд. причастиях¹. Флексия им. прилагательных — *ой* рифмуется с флексией им. существительных и прилагательных на *-ой*:

Город новый *злагоглавой*,
Пристань с крепкою *заставой*...
Гости в путь, а князь Гвидон
С берега душой *печальной*
Провожает бег их *дальной*...

(Сказка «О царе Салтане»)².

Кроме того, в сказках встречаются рифмы: *равниной — единой, на двор широкой — под елкою высокой, прислужгой разной — дьяк приказкой* и др³.

Безударная флексия имен прилагательных на *-ой* является обычной в севернорусском наречии. Таким образом, язык сказок Пушкина свидетельствует о том, что в нем имеются фонетические элементы из народных севернорусских говоров. Они сочетаются с книжными. Нет сомнения, что некоторые диалектные фонетические элементы проникли в литературный язык и стали обычными. Данное предположение оправдывается тем, что и у других писателей пушкинского времени указанные выше фонетические элементы — не редкость. Так, например, они обычны у Крылова в его баснях: «*Улылы год целой — стала девой зрелой*» («Разборчивая невеста»); «*Стал осел скотиной превеликой, — а сверх того ему такой дан голос дикой*» («Осел»); «*Не оставь меня,*

¹ Соотношение непользования той и другой флексии в цифровых данных: *-ый* (—ий) в 56 случаях, *-ой* — в 27 случаях.

² А. С. Пушкин, Сказки, 1936, стр. 16.

³ Различные издания сказок Пушкина имеют неодинаковые формы одних и тех же слов.

Эта нестойчивость показаний затрудняет изучение языка сказок. Несмотря на различие морфологического оформления одних и тех же слов в тексте сказок, одно остается несомненным: в языке сказок Пушкина окончания прилагательных варьируются: большая часть их в им.—вин. п. ед. ч. муж. рода имеет окончание — *ый*, меньшая — *ой*. В качестве примера варьиаций окончаний в различных изданиях сказок укажу на кн. А. С. Пушкин, Стихотворения и сказки, Академия, 1935 г., и А. С. Пушкин, Избранные стихотворения и поэмы, 1934, ГИХЛ. В первом издании форм имен прилагательных на — *ой* в им.—вин. пад. мужского рода меньше, чем во втором.

к^{ум} милой — дай ты мне собраться с силой» («Стрекоза и Муравей»); «Народ благочестивой — в леса Аркадии счастливой» («Волк и Кукушка»); «Не выдай, милой, — со всей собравшись силой» («Крестьянин и Работник») и т. д. (См. цит. изд. басен И. А. Крылова, 1946, ОГИЗ). Встречаются они у Грибоедова в комедии «Горе от ума»: «Ах! амур проклятой — рифм. с словом «девятой» (час), 1.1; «Не надутый (язык) — пользуясь минутой», 1.7; «*в* портретной — заметной» (человек), III, 12. (А. С. Грибоедов, «Горе от ума», ГИХЛ, 1948).

В языке пушкинских сказок среди имен прилагательных на *-ый* нет ни одного с предшествующим заднеязычным согласным — г, к, х (после этих согласных в XIX в. флексия на *ый* была, в письменном языке, конечно, невозможна, по орфографическим условиям); все такие прилагательные в им. — бнш. пад. ед. числа мужского рода в сказках Пушкина имеют флексию — *ой*, согласно литературному произношению того времени: *высокой, широкой, боярской, русскою*. Это произношение отразилось и в языке других произведений Пушкина (ср. *по всей Руси великой — и ныне дикой* (дунгуз) («Памятник»), «*ворон к мерзостине надкой — любым стаянъя михорюкой*»). («На гыздорюлемме Лукулла»), «*любий Ходаковский — ст бабчиши . оксезюй*; «Оидрей... Езерский... в даре схимится Печерской» («Родословная моего героя»). Написание *«бедненькой»* (без *в*) в сказке «О попе и о работнике его Балде» и «тегый» (звон) — в сказке «О золотом петушке», вместо ожидавшихся бы «бедненькой» и «легкой» (ср. в издании сказок «А. Пушкин, Сказки», ГИХЛ, 1936, стр. 14 и 78), несколько не колеблют вывода о твердом произношении Пушкиным флексий прилагательных на *-кий, -гий, -хий*: такие написания у Пушкина обычны, да и прилагательные с суфф. на — *к* обычно рифмуются с сущ. и прилагательными, имеющими флексию — *ой* (ср. слова «Езерский», (рифм. с «Печерской») и «Ходаковский» (рифм. с «московской»)).

Рифма «печальной — дальней» в сказке «О царс Салтане» («Гвидон с берега душой печальной провожает бег их дальней») объясняется тем, что во времена Пушкина произношение «дальный» и «дальной» были одинаково литературными; оба эти вида произношения зафиксированы в «Словаре церковно-славянского и русского языка», 1847 (см. т. I, 306 стр.). Прилагательное «дальный» Пушкиным произносилось

и с мягкой и с твердой флексией. (Ср. также стих. «Жил на свете рыцарь бедный»)¹.

Имена прилагательные и местоимения на *-ова*, встречающиеся в языке сказок, рифмуются со словами, имеющими окончание *сва*. В сказках Пушкина этих случаев немного (всего 5). В сказке «О царе Салтане»:

Сами шлют гонца *другова*,
Вот с чем от слов до *слова*;

в сказке «О мертвой царевне»:

Белолица, *черноброва*
Нраву кроткого *такова*;

в сказке «О золотом петушке»:

Сына он теперь *меньшова*
Шлет на выручку *большова*.

Нерифмованное слово «милова» находится в сказке «О мертвой царевне»:

Не видать милова друга...².

Ак. С. П. Обнорский, анализируя эти пушкинские рифмы³, признает окончание имен прилагательных *-ова* за новообразование с флексией — *ва*, типичное для многих севернорусских говоров. Очевидно, это новообразование проникло и в литературное произношение, так как окончание *-ва* в именах прилагательных (род. п. ед. числа мужского и среднего рода) и местоимениях свойственно и языку других писателей пушкинского времени, например, языку басен И. А. Крылова. Примеры:

«Я куму услужить *готова*».
А куму не сенца, хотелось бы *мяснова* —
Да про запас лиса ни *слова*
(«Волк и Лисица»).

В живом в нем не было здесь проку *никакова*...
Быть по нем наймут нас, верно, *снова*.
(«Похороны»);

«не ест мясного — от слова до слова («Крестьянин и Овца»)¹,
«гонцом у барина *большого* — бежать пустилась *снова*»
(«Белка»)⁴.

¹ Произношение этого прилагательного с мягкой флексией зафиксировано Пушкиным в поэме «Цыганы»: «в путь недальний» рифм.: «Звон походной наковальни».

² А. С. Пушкин, Сказки, 1936.

³ «Пушкин и нормы русск. литер. произношения», стр. 91—92.

⁴ И. А. Крылов, Соч., ОГИЗ, 1946.

5. Своеобразие ударений в стихотворной речи — не редкость. Оно объясняется, с одной стороны, условиями ритма стиха, а с другой — они могут свидетельствовать и об особенностях произношения поэта и могут отражать акцентуацию литературного языка данного периода и встречаться не у одного автора, а и у других — его современников.

Сдвиги в ударении можно наблюдать и в языке сказок Пушкина. Здесь многочисленные случаи переноса ударения на предлог. Появление предлогов-энклитик в языке сказок является свидетельством близости языка Пушкина к языку русского фольклора и общей разговорной речи. Этим же можно объяснить и особенности акцентуации некоторых отдельных слов. Вот несколько примеров перенесения ударения с существительного на предлог.

Сами шлют гонца другова
Вот с чем *СТ* слова до слова...
Но смягчившись *НА* сей раз
Дал гонцу такой приказ.
Видно *НА* море не тихо...

(Сказка «О царе Салтане»).

Ср. также *по* лбу, *за* уши, *до* света (сказка «О попе и работнике его Балде»); *об* пол (сказка «О мертвой царевне»); *от* моря (сказка «О золотом петушке»); *за* плечьями (сказка «О медведихе»).

Вот три примера фразеологических сочетаний с ударением на слове «пора» и «ту»:

«*В те поры* война была
(Сказка «О царе Салтане»).

Братья в *ту пору* домой
Возвращались толпой
(Сказка «О мертвой царевне»).

В *ту пору* звери собиралися
(Сказка «О медведихе»).

В записях народных песен у Пушкина предлоги-энклитики встречаются нередко, например:

По меду, меду паточному
Плавала чарочка серебряная
(Песни свадебные, № 32).

Или *со* Дону казак пль казацкий сын.
(«Песня о сыне Сеньки Разина»)¹

Выражения, параллельные «в те поры» и «в ту пору», можно встретить в былинах, например:

¹ А. С. Пушкин, Стихотворения и сказки, Академия, 1945.

«Втапоры тово Алеша не слушался»¹.

Следует отметить еще следующие слова в тексте сказок Пушкина: «шелковый» (сказка «О царе Салтане»: «Со креста снурок шелковый натянул на лук дубовый»), «войска» (сказка «О золотом петушке»: «Войска идут день и ночь»), «соко́ла»: «Попались в сети оба наши соко́ла» (в той же сказке); «На конь»: «Люди на конь! Эй живее!» (там же); «суют» (сказка «О царе Салтане»: «И в суму его пустую суют грамоту другую»); «С белой зóри до ночи» (сказка «О мертвой царевне»). Слово «шелковый» (с ударением на суффиксе) обычно в народном поэтическом творчестве. Например, у Пушкина в его записях народных песен: «Повесьте две петлиц шелковые» (см. «Песни необрядовые», № 16), Литературной формой во времена Пушкина было «ше́лковый» (см. «Словарь ц.-слав. и русского языка», 1847 г., т. IV). Пушкин в сказках одинаково, без особых стилистических причин, употребляет и ту и другую форму (ср.: «И промеж высоких гор видит ше́лковый шатер», (сказка «О золотом петушке»). Слово «войска» (с ударением на основе) — архаическая форма, сохраняющая присущее в старом языке слову «войско» неподвижное ударение на основе². Ее используют в торжественном стиле современные Пушкину поэты, например, Державин: «Какая в войсках храбрость рьяна!» («На взятне Измаила»)³. В языке сказки форма «войска» стилистически оправдана: изображается картина в духе старины. Стилистически оправданным является и выражение «на конь!» — старый винит. падеж с предлогом-энклитикой. Это — старинный боевой клич. Слово «соко́ла» (род. п. ед. числа с ударением на флексии) было свойственно при Пушкине как литературному языку, так и разговорной речи и фольклору (см. цит. выше акад. словарь, 1947 г., т. IV; ср. народн. песню: «Выпускала соко́ла (вин. п. ед. ч.) из правого рукава»). Разговорному языку известно и слово «зоря» — ср. вин. пад. в ед. числе «зорю» («зорю <бить>». В «Толковом словаре» Даля зафиксирован им. пад. ед. ч. с ударением на основе: зоря)⁴. Слово «суют» (с

¹ Русский фольклор, стр. 220.

² С. П. Обнорский, «Именное склонение», вып. 2, 1931, стр. 112.

³ Соч. Державина, ч. 1, стр. 82.

⁴ См. изд. 3-е т. I, столб. 1567. Интересно отметить, дифференциацию значений в сказках Пушкина слов «зоря» и «заря»; первое слово обозначает утреннюю, второе — вечернюю зарю. Ср. «с белой зори до ночи» (Сказка «О мертвой царевне») и «Шамаханская царица, вся сияя как заря»... (Сказка «О золотом петушке»). Эта дифференциация в народном духе (ср. стр. 136 книги ак. С. П. Обнорского «Очерки по истории русск. лит.-тер. языка», 1945 г.).

ударением на основе) было в 30-х годах литературным (см. «Словарь ц.-сл. и русск. языка», 1847 г., т. IV, стр. 169).

Отмеченные фонетические явления языка сказок А. С. Пушкина свидетельствуют о стилевом многообразии и богатстве речевых средств, которыми владел Пушкин. Он с замечательным искусством использовал в своем поэтическом языке народную разговорную речь с ее фонетическими особенностями, однако без резких диалектных отклонений, язык народного устного творчества с присущими ему акцентуационными чертами, язык старинных русских письменных памятников, литературный язык своего времени с его произносительными нормами. Пушкин тщательно отобрал для языка своих сказок те разнообразные речевые средства, которые были необходимы ему для литературной поэтической обработки русских народных сказок. Анализ языка сказок Пушкина с фонетической стороны убеждает в том, что в основе фонетического облика этого языка лежит живая, разговорная русская речь.

О стилевом разнообразии, экспрессии и исключительном богатстве языка пушкинских сказок свидетельствуют еще более убедительно, чем фонетика, его лексика и фразеология.

II. Лексический состав языка сказок Пушкина

В лексике сказок выделяются шесть словарных пластов, а именно:

- 1) слова общелитературные для первой половины XIX в., употреблявшиеся как в письменной, так и устной речи,
- 2) славянизмы,
- 3) заимствованные слова,
- 4) слова разговорного языка,
- 5) слова, свойственные фольклору,
- 6) слова, имеющие своим источником древнерусские письменные памятники. Особым пластом в лексике сказок являются слова поменологического словаря.

Вполне естественно, что при литературной обработке русских народных сказок А. С. Пушкин использовал в качестве основного лексического пласта слова современного ему общелитературного фонда, как например, *мир, разговор, сказка, сын, богатырь, решение, письмо, кухня, базар, товар, служить, иоты, беззаты, столица* и т. п.

В язык сказок Пушкиным введены слова, принятые в светском обществе того времени, «двор» (в значении приближенных к царю лиц) и «господа» (в формуле вежливого об-

ращения). Эти слова находятся в описании быта царского двора.

В сказке «О царе Салтане» — в описании встречи народом и двором царицы и царевича на острове Буяне:

В колымагах золотых
Пышный двор встречает их.

В сказке «О золотом петушке» — в обращении Дадона к приближенным:

...Возглашает воевода:
«Государь! проснись! беда!»
...«Что такое, господа?»—
Говорит Дадон, зевая.

Употребление церковнославянизмов в языке сказок у Пушкина, во-первых, количественно очень ограниченное, во-вторых, всегда является стилистически мотивированным.

В сказке «О попе и работнике его Балде» и «О медведихе» церковнославянизмов совсем нет, в других сказках их мало.

Использование их в языке сказок Пушкина стилистически оправдано: они введены поэтом или с нарочитой целью придания речи торжественности или оттенка церковно-книжного, обрядового языка (ср., напр., описание погребального обряда в сказке «О мертвой царевне»).

Вот несколько примеров такого использования церковнославянизмов Пушкиным в языке сказок.

В сказке «О царе Салтане» церковнославянские слова внесены в описание торжественной встречи царицы и царевича на острове Буяне:

Мать и сын идут ко граду...
Все их громко величают
И царевича венчают
Княжей шапкой, и главой
Возглашают над собой...
В тот же день стал княжить он
И нарекся: князь Гвидон.

В сказке «О мертвой царевне» надгробная речь старшего брата выдержана в торжественных тонах:

Старший молвил: «Спи во гробе¹,
Вдруг погасла, жертвой злобе,
На земле твоя краса:
Дух твой примут небеса».

¹ О стилистическом употреблении слова «гроб» см. в цит. выше акад. словаре 1847 года, т. 1, стр. 292.

Слово «бранный» (в значении «воинский») вполне уместно в устах звездочета, разговаривающего с царем Дадоном:

«Но лишь чуть со стороны

Ожидать тебе войны

Иль набега силы *бранной*...».

(Сказка «О золотом петушке»).

Слова церковнославянского происхождения в языке сказок часто находятся в окружении слов других лексических пластов и теряют характерную для них особенность слов «высокого» стиля. Например:

Ждет-пождет с утра до ночи,

Смотрит в поле, инда *очи*

Разболелись гляючи...

(Сказка «О мертвой царевне»).

Царь Салтан гостей сажает

За свой стол и *вопрошает*...

Остров на море лежит,

Град на острове стоит

С *златоглавыми церквами*,

С теремами да садами...

(Сказка «О царе Салтане»).

Царь хватил его *жезлом*...

(Сказка «О золотом петушке»).

Слова церковнославянского архаического пласта в сказках использованы иногда с целью архаизации речи в духе старинного русского письменного-книжного языка. Например:

Весь сияя в *злате*,

Царь Салтан сидит в палате

На *престоле* и в венце

(Сказка «О царе Салтане»).

Все бегут за *колесницей*,

За Дадоном и царицей.

(Сказка «О золотом петушке»).

Церковнославянизмы в языке сказок использованы Пушкиным, несомненно, и потому, что они обладают особой выразительностью и этим выделяются в ряде соответствующих синонимических слов. Например:

Царь велит...

И царицу и приплод

Тайно бросить в *бездну* вод.

(Сказка «О царе Салтане»).

В море остров был крутой...

Рос на нем дубок *единый*...

(Там же).

Ждали три дня, но она

Не *восстала* ото сна.

(Сказка «О мертвой царевне»).

Ср. в той же сказке «И *встает* она из гроба»

Пушкин вводит церковнославянизмы в интересах стиха наряду с однозначными русскими словами. Ср. «Хлынет на берег пустой»... «Очутятся на *береге*» — (сказка «О царе Салтане»).

Заемствованные слова, наблюдающиеся в языке сказок, настолько прочно вошли в письменный, разговорно-устный и фольклорный язык, что не осознавались как нерусские (*лазоревиый, терем; витязь, булат, палла, сорочин; башка, курган, океан, грамота* и т. д.).

Исключение представляют слова «флот», «монета», «хор», сравнительно редко встречавшиеся в разговорном и фольклорном языке. Слово «флот» употреблено в рассказе о морском путешествии царя Салтана к своему сыну князю Гвидону на остров Буян:

По равнинам окияна

Едет *флот* царя Салтана.

Слово «монета» в той же сказке использовано в описании царского дворца:

Из скорлупы льют *монету*,

Да пускают в ход по свету...

(Сказка «О царе Салтане»).

Слово «хор» находится в тексте в описании встречи царицы и царевича на острове Буяне:

К ним народ навстречу валит,

Хор церковный бога хзалит

(Сказка «О царе Салтане»).

Значительное место в языке сказок Пушкина занимает лексический материал из бытового разговорного языка крестьянства и низших слоев городского населения того времени. В этот пласт входят просторечные, фамильярные и общепонятные областные слова. Этот лексический слой, которого избегал традиционный литературный язык и язык дворянского салона, получил в поэтическом творчестве Пушкина, в частности в языке его сказок, литературное признание и оказался весьма пригодным для целей литературной обработки народных сказочных сюжетов. Этот словарный материал входит в язык отдельных сказок то в большей, то в меньшей степени в зависимости от характера изображаемых ситуаций. В сказках «О царе Салтане», «О мертвой царевне» и

«О золотом петушке», слов из этого пласта значительно меньше, чем в сказках «О попе и работнике его Балде» и «О рыбаке и рыбке». И это вполне понятно: в последних изображена обычная бытовая обстановка, в первых же трех сказках изображается царский двор.

Примеры разговорной, просторечно-фамильярной и областной лексики в языке сказок.

Сказка «О попе и о работнике его Балде»: *выскания* (простореч.), *голоконный* (лоб) (обл.), *целк* (обл.), *поп* (разг.), *накладно* (простореч.), *проворье* (обл.), *тятя* (простореч.), *биба* (разг., вульг.), *собака* (бран.), *мордка* (вульг.), *корячится* (простореч.), *коли* (союз. усл.) (обл.), *ан* (союз) (простореч.), *череда* (простореч.), *свалка* (драка) (простореч.), *плясать* («до света всё у него пляшет») (разг.) и др.

Сказка «О рыбаке и рыбке»: *дурачина* (разг., фамил.), *простофиля* (разг.), *кликать* (простореч.), *вздуриться* (простореч.), *пуце* (простореч.), *взмолиться* (разг.), *чупрун* (обл.), *поперек* (в значении «наперекор») (разг.), *проклятый* («что мне делать с проклятою бабой?») (разг.) и др.

Сказка «О царе Салтане»: *кабы* (разг.), *позадь* (простореч., обл.), *полюбовиться* (разг.), *пуститься* (разг.), *в те поры* (обл.), *родины* (простореч.), *извести* (разг.), *перенягь* (в знач. «захватить», «перехватить») (обл.), *зверюшка* (простореч.), *чудесить* (разг.), *сбообратить* (разг.), *хмельнои* (обл.), *вопить* (разг.), *дичина* (обл.), *клев* (в значении «клюв») (обл.)¹, *ладно* (простореч.), *баять* (обл.) и др.

Сказка «О мертвой царевне»: *инда* (обл.), *издалечи* (обл.), *ломливый* (разг.)², *сыскаяться* (разг.), *дурь* (разг.), *вишь* (простореч.), *наказывать* (в значении «давать поручение») (простореч.), *трезнонить* (простореч.), *святые* (в значении «иконы в переднем углу») (разг.), *спознать* (простореч.), *рассвело* (обл.), *тужить* (разг.) и др.

Сказка «О золотом петушке»: *лезть* (в значении «напирать») (простореч.), *справить* (обл.), *лихой* (разг.), *суить* (простореч.), *угомониться* (разг.), *большой, меньшой* (о сыне) (простореч.), *выручка* («шлет на *выручку* большого») (разг.), *промеж* (простореч.), *завыть* (в значении «громко плакать») (вульг.), *ввернуться* («или бес в тебя ввернулся»)

¹ См. об этом слове в «Толковом словаре» Даля, изд. 1904 г., т. II, стр. 287.

² См. об этом слове в «Толковом словаре» Даля, т. II, стр. 686.

(разг.), *режнуться* (простореч.), *лих* (частица) (обл.), *хватить* (разг.), *взорвать* (разг.).

Сказка «О медведихе»; *знять* (вводное слово) (разг.), *хорониться* (простореч.), *выедать* (разг.), *осержаться* (разг.)¹, *пуп* (разг.), *пороть* («брюхо пороть») (разг.), *сымать* (простореч.), *трои* (числ.) (обл.), *байбак* (разг.)².

Вхождение слов из живого разговорного русского языка в литературу началось задолго до Пушкина. М. В. Ломоносов в своей теории стилей разрешил проблему литературного использования слов разговорного языка, и писатели XVIII и первой половины XIX в. пользовались правом вводить их в язык своих произведений — в пределах, указанных Ломоносовым. Слова живого разговорного языка можно видеть в языке комедий и басен, например, у Фонвизина, Хемницера, Грибоедова, особенно у Крылова и др. Проникали эти слова и в произведения иных жанров и даже в произведения высокого стиля (например, в оды Державина, см. его оду «Фелица»).

Однако у предшественников Пушкина лексика разговорных стилей языка вводится только в произведения, главным образом, «низкого стиля», по терминологии М. В. Ломоносова. Заслугой Пушкина является то, что он создал русский литературный язык на народной национальной основе. Он произвел, с присущим ему художественным чутьем и тонким знанием русского языка, строгий отбор языковых средств и выковал новый, реалистический язык новой, реалистической литературы. В этот язык Пушкин отобрал все то, что ему казалось в языке необходимым для точного и образного выражения мыслей и чувств. С этой меркой он подходил ко всем языковым материалам, в частности и к лексике и фразеологии разговорного языка.

Вполне естественно, что, оценив положительно те или иные языковые элементы, признав их литературное достоинство, Пушкин смело пользовался ими в своих стихотворных и прозаических произведениях и смело вводил их в литературный оборот.

¹ См. это слово в цит. выше «Словаре» Даля, т. II, ст. 1802.

² Стилистическую оценку всех указанных в качестве разговорных, просторечных и т. п. слов см. в «Словаре церковно-славянского и русского языка» 1847, тт. I—IV, в «Толковом словаре живого великорусского языка». В. Даля, изд. 3-е; «Толковом словаре русского языка» под ред. Д. Н. Ушакова, тт. I—IV.

Словарный состав языка сказок обнаруживает наличие в нем значительного количества слов, свойственных языку народно-поэтического творчества. Как было сказано выше, Пушкин высоко ценил мощь народного поэтического слова, поэтому вполне понятно, что в свой поэтический язык он включил элементы из языка русского фольклора.

Вот некоторые примеры фольклорной лексики в языке сказок.

Сказка «О царе Салтане»:

«Здравствуй, *красная* девица, —

Говорит он. . .

Вы ж, *голубушки-сестрицы*,

Выбирайтесь из светлицы».

Засмолили, покатили

И пустили в *Окиян*. . .

В *синем море* волны хлещут...

Улетела *лебедь-птица*. . .

Кроме этого: *булат, тридцать три богатыря*, словно *реченька* журчит, *матушка* моя родная, *остров Буян, ретивое* («в нем разыграло ретивое»).

Сказка «О рыбаке и рыбке»:

Сказал ей *ласковое слово*. . .

Перед ним изба со *светелкой*. . .

С *дубовыми, тесовыми* *сороты*. . .

Жемчуги *огрузили* шею,

На *руках* *золотые перстни*,

На *ногах* *красные сапожки*.

Сказка «О мертвой царевне»:

В *путь-дорогу* *снарядился*. . .

Ждет-пождет с утра до ночи. . .

Не *видать* *милова друга*. . .

Не кручинься, бог с тобой. . .

Кроме этого: *стол дубовый, люди добрые, милая сестрица, серые утки, зелена: дубрава, белые руки, красно солнце, свет наш, солнышко, темная ночька, месяц ясный, ветер-буйный зеленое вино*.

Сказка «О золотом петушке»:

Видит *шелковый* *шатер*

Сказка «О медведихе»:

Из *лесу* *бремучего* *выходила*. . .

Стала *кликать* *малых* *детушек*. . .

*Грянула*сь. . . о *сыру* *землю*.

В *ту пору* *медведь*. . . *голову повесил*.

Кроме этого, *зайка серенький, глаза завистливые, белая зорюшка*.

Слова этого пласта встречаются в народных песнях, сказках, духовных стихах, поговорицах, поговорках.

Вот несколько примеров из произведений народного устного творчества для сравнения с лексикой сказок Пушкина.

На море, на окичне, на сстрове на Буяне стоит светлица...¹

Во лесах в дремучих

Тут брала девка ягоды...

(Записи народных песен Пушкиным, песня № 8)².

Красны девки разыгрались,

Молодушки расплясались.

(Песня № 1!).

Мошисты золоты

Шею огрузили

(Песня № 20).

А втапоры Вольх он догадлив был

(Бьлина «Волх Сеславьевич»)³.

В лексике языка сказок Пушкина нашли себе место слова русского старинного письменного-книжного языка, встречающегося перед взором читателя картины русского средневековья — жизнь царского двора, жизнь крестьянства и купечества. Слова эти встречаются почти во всех пушкинских сказках. Вот несколько примеров этих слов: *гонцы, грамота, лук, стрела, колымага, княжая шапка, торг, корабельщик, сенец* (царский), *дьяк, приказный, богатырь, латы* (сказка «О царе Салтане»); *черная крестьянка, столбовая-дворянка, палаты* (дворец), *заморское вино* (сказка «О рыбаке и рыбке»); *торговый город, сенная девушка, царица, рогатка* (сказка «О мертвой царевне»); *рать, воевода, шелом, меч* (сказка «О золотом петушке»); *торговый гость, подъячича, смерд, целовальник, скоморох, ярыжка* (сказка «О медведихе»).

Номенологическая лексика сказок Пушкина основана на номенологическом словаре русского фольклора. В языке пушкинских сказок восемь собственных имен: в сказке «О царе Салтане» — Салтан, Гвидон, Бабариха, Черномор, в сказке «О попе и работнике его Балде» — Балда, в сказке «О мерт-

¹ Русский фольклор, хрестоматия, сост. Н. П. Андреев, 1938, стр. 50.

² А. С. Пушкин, Стихотворения и сказки, 1935.

³ «Сбор. Кириши Данилова» (см. указ. выше «Хрестом. по истор. русск. языка» С. П. Обнорского и С. Г. Бархударова, ч. II, вып. II, стр. 300).

вой царевне» — Черпавка и Елисей, в сказке «О золотом петушке» — Дадон.

Кроме того, следует упомянуть два собственных названия мест — остров Буян (из сказки «О царе Салтане») и Пустая гора — (из сказки «О мертвой царевне»).

Имена сказочных персонажей — царя Салтана, князя Гвидона можно найти в «Сказании о Бове», в котором упоминается король Видон, царь Сулган упоминается и в записях народных сказок самого Пушкина (см. сказку № 1). Имя волшебника Черномора Пушкин, повидимому, заимствовал из сказок Арины Родисновны (ср. посвящение к поэме «Руслан и Людмила»: «Времен минувших небылицы, в часы досугов золотых, под шопот старинной болтливой рукою берной я писал»). Балда, попов работник, фигурирует в записях сказок у Пушкина (см. сказку под номером 3). В «Сборнике Кирши Данилова» (сборник был известен Пушкину) в сказке «Дурень» есть имя Бабариха. В той же сказке сестру дурня зовут Черпавой. Имя царя Дадона известно из «Сказания о Бове». Название острова Буяна встречается в русском фольклоре (см., например, сказку № 4 из записанных самим Пушкиным). Слова Елисей, Пустая гора — обычные русские народные названия, которые могли быть заимствованы из живой народной речи. Такое же и слово Салтан (дичка собаки) в сказке «О мертвой царевне».

III. Фразеологические выражения языка сказок Пушкина

При изучении языка сказок Пушкина нельзя не остановиться на их богатой, разностильной фразеологии. В ней выделяются устойчивые словочетания, присущие языку русского фольклора, разговорному языку разных слоев современного Пушкину русского общества и языку древне-русских письменных памятников.

Примеры располагаются в порядке указанных рубрик.

Фольклор: садиться *на добра коня*, за *тридевять земель*, я там был, *мед, пиво пил — и усы лишь обмочил* (сказочная концовка) (сказка «О царе Салтане»); *попляши-тка* под нашу балалайку (сказка «О Балде»), ср поговорку «По чужой дудке пляшет»², *жить да поживать, ждет-неждет, ясный месяц*

¹ А. С. Пушкин, Стихотворения и сказки, стр. 267.

² Словарь В. И. Даля, т. I, столб. 1244.

(сказка «О мертвой царевне»); в тридевятом царстве, в тридесятом государстве (обычный сказочный зачин), жил был (песенный и сказочный зачин), сказка — ложь (ср. пословицу «Сказка—складка, а песня—быль» (сказка «О золотом петушке»); медвежья шуба в пятьдесят рублей (ср. в сказках и песнях часто встречающееся выражение «пятьдесят рублей (рублев)»: «Наживешь ты денег пятьдесят рублей, наживешь ты шубоньку дорзую»¹, «Те мужики новгородские прима-ли ево во братшину Николшину дал молодец им пятьдесят рублей»²); *грянулась* медведиха о сыру землю, а мужик-от он догадлив был (ср. «А вгапоры Вольх он догадлив был»)³.

Фразеология разговорного языка дворянского общества; *душа моя⁴, жизнь моя, но всему же есть граница⁵, как обидно! что такое, господа? благодарствую, благодарсгбуй за (обед). знаешь ли, кто я? . .*

Общелитературная фразеология: напр., *дальний бег, по-верх текущих вод, страстная душа, равнины океана, наливное, золотое яблочко*. Вот несколько параллелей из других произведений Пушкина:

Кто, волны, вас остановил,
Кто оковал ваш бег могучий...

Где ты, гроза, символ свободы?

Промчись *поверх невольных вод*.

(Стихотворение «Кто, волны, вас остановил...»).

По вольному распутию моря

Когда ж начну я *вольный бег?*

(«Евгений Онегин», 1, 50).

У меня плоды блестят *наливные, золотые*

(«Вертоград моей сестры»).

Использование фразеологического материала из разговорного языка привилегированного общества и литературного письменно-книжного языка в сказках стилистически мотивировано. Этот незначительный по своему объему фразеологический материал введен Пушкиным в описания и сцены, в которых участвуют люди из господствующих классов. На-

¹ См. народные песни о горе, цит. по «Хрестоматии по древнерусской литературе» Н. К. Гудзия, 1935 год, стр. 310 и сл.

² Былина «Садко богатый гость», см. указ. выше «Хрестоматию по истории русского языка», 1948, стр. 313.

³ Там же, былина «Волх Сеславьевич», стр. 304.

⁴ См. об этом слове в значении «приветствия любимому человеку» в акад. словаре 1847 г., т. 1, стр. 379.

⁵ См. в этом значении слово «граница» в акад. словаре 1847, т. 1, стр. 289.

пример, вполне оправданными стилистически являются выражения «поверх текучих вод» и «по равнинам океана» в описании морского пейзажа в сказке «О царе Салтане».

Одним из средств социальной характеристики действующих лиц, реалистического показа жизни являются фразеологические сочетания «жизнь моя», «душа моя» в сценах встречи князя Гвидона и царевны Лебеди или в сцене пребывания в лесу царевны и Чернавки.

Указанный фразеологический материал использован Пушкиными и для едкой, яркой политической сатиры на Николая I — этого бездарного, ленивого, жестокого и сластолюбивого «царя Дадона» XIX в.:

«Что такое, господа?»

Говорит Дадон, зевая,

«А? Кто там? беда какая?..».

«Что ты?» — старцу молвил он, —

Или бес в тебя ввернулся...

Я, конечно, обещал,

Но всему же есть граница.

И зачем тебе девица?

Полно, знаешь ли, кто я?».

(Из сказки «О золотом петушке»).

Сатирический намек на современного Пушкину царя и фразеология этого намека были настолько яркие и сильные, что царская николаевская цензура была особенно придирчива к сказке «О золотом петушке».

Более значительным по объему в языке сказок Пушкина является пласт фразеологического материала, заимствованного поэтом из живого, разговорного языка народа, в первую очередь — крестьянства. Примеры этого рода в сказках многочисленны: *как на подбор, уж диковинка, дело лихо, век не забуду* (сказка «О царе Салтане»); *белены объесться, дурачина ты простофиля, толкать взащеи, впредь тебе наука* (сказка «О рыбаке и рыбке»); *всём взял, спрос — не грех, с места живому не сойти, чесать в затылке, не к добру* (сказка «О мертвой царевне»); *быть проку, лих же, нет, рехнуться с ума, дух вон, нет как нет, так и так, цурайся, цел ноки, забрать в голову* (сказка «О золотом петушке»); *отлозь ни возьмишь, голову повесить, насыть голосом* (сказка «О медведихе»); *этого провести не штука! делать нечего* (сказка «О попе и работнике его Балде»).

Наличие этого, разговорно-просторечного фразеологического пласта в языке пушкинских сказок стилистически тоже

мотивировано. Разговорные, фамильярные и просторечные выражения характеризуют сцены, где действующими лицами являются люди из низших классов общества, например, крестьяне в сказках «О рыбаке и рыбке», «О попе и работнике его Балде», а также в некоторых местах сказки «О мертвой царевне». Эти выражения введены поэтом в текст сказок и для того, чтобы оттенить манеру обращения действующих лиц с другими, например, Дадона с звездочетом (*А! здорово, мой отец!.. Подъ поближе, что прикажешь?.. Так лих же, нет!.. Убирайся, цел пока, оттащите старика!»*).

Меткие, красочные выражения, заимствованные из уст народа, внесены поэтом и в авторскую речь и придают ей характер бесхитростного народного сказа:

Царевна очутилась
В светлой горнице; кругом
Лавки, крытые ковром,
Под святыми стол дубовый...
Видит девица, что тут
Люди добрые живут...
Братья молча постояли,
Да в затылке почесали.
(Из сказки «О мертвой царевне»).

В языке сказок Пушкина нашла себе место и фразеология древнерусских письменных памятников: *венчать князей шапкой, править город, смилуйся* (государыня рыбака), *люди, на конь!*, *пожалую тебя, гости-господа, восстать отъ сна* (ср. «венчал тем царским венцем» — из речи царя Бориса патриарху Иову, 1598 г.; «*пожаловал бы, добрый и славный король Дадон, приехал бы под наш город*», «*А будет словеса твои сбудутся, и яз тебя пожалую*», «*И король Дадон встал от сна своего*», — из сказания «О Бове королевиче»).

IV. Морфологические явления языка сказок Пушкина

В области словообразования следует отметить наличие весьма значительного количества имен существительных, прилагательных и наречий с ласкательно-уменьшительными суффиксами (черта, свойственная языку народно-устного художественного творчества). Вот несколько примеров:

Вы ж, *голубушки-сестрицы*,
Выбирайтесь из светлицы...
И послушалась волна:
Тут же на берег она
Бочку вынесла *тихонько*,

И отхлынула *легонько*...

А как речь-то говорит,

Словно *реченька* журчит.

(Сказка «О царе Салтане»).

Ты, бесенок, еще *молоденек*,

Со мной тягаться *слабенец*

(Сказка «О попе и работнике его Балде»).

Наряду с ласкательно-уменьшительными словами, в языке сказок имеются фамильярно-пренебрежительные:

Дурачина ты, простофиля!

Выпросил, *дурачина*, корыто!

(Сказка «О рыбаке и рыбке»).

Попенок зовет его тятей.

(Сказка «О попе и работнике его Балде»).

Старушонка хлеб поймала.

(Сказка «О мертвой царевне»).

В языке сказок наблюдаются следующие суффиксы имен существительных с значением субъективной оценки (ласкательно-уменьшительные, фамильярно-пренебрежительные):

—*иц*: сестрица;

—*ушк*: голубушка, сударушка, старушка, бабушка, муравушка;

— *енька*: душенька, реченька;

— *юшка*; хозяйюшка, горностаюшка, зорюшка;

—*ышко*: солнышко;

—*ик*: кораблик, хвостик;

— *ец*: братец, изумрудец;

—*ок*: дружок, рожок, мужичок, петушок, лесок;

—*очек*: кусочек, подарочек, мешочек;

— *очк*: яблочко, белочка, присвисточка, дворяночка;

—*ечк*: княгинечка;

— *к*: свечка, ручка, зайка, мордка, губка, лапка;

—*ц*: зеркальце;

—*онок*: вражонок;

—*онка*: старушонка;

—*енок*: попенок;

—*ишк*: зверишка.

Следует отметить суфф. *-иха* в диалектном слове «медведиха».

Имена прилагательные и качественные наречия с значением субъективной оценки в языке пушкинских сказок имеют следующие суффиксы:

—*еньк*: бедненький, серенький;

—*ешеньк*: белешенька, тяжелешенько;

—к: немножко;

—оньк: легонько, тихонько.

Интересно отметить, в связи с словообразованием, имен существительных, что в языке сказок Пушкина совсем не встречается суффиксов церковнославянского происхождения *-ствие, -ение*; наоборот, суффиксы разговорной речи *-ство* (бедство)¹ и *-енье*: *сраженье восхищенье, разрешенье, благословенье, возвращенье*.

Дальнейшие морфологические наблюдения над языком сказок располагаются по частям речи.

В области *имен существительных* следует отметить сдвиги в грамматическом роде некоторых слов. Так имя существительное «лебедь» отнесено к существительным женского рода, как это обычно в языке фольклора. Ср.:

Лебедь белая плывет;

Улетела лебедь-птица.

(Сказка «О царе Салтане»).

Отлетала лебедь белая

Что от стада лебединого

(Свадебная песня).

Вводное слово «авось» в сказке «О попе и работнике его Балде» является субстантивированным словом *русского* рода, как это обычно в пословицах.

Ср. стих из сказки «О попе»:

Да понадеялся на *русской авось*

с пословицами: «*От авосья* добра не жди», «*Авось, плут, обманет*»²

В стихотворениях и поэмах Пушкина субстантивированное междометие «ура» и местоимения «ты» и «вы» *среднего* рода, как это свойственно литературному языку («Пустос *вы* сердечным *ты* она, обмолвьясь, заменила»; «Далече *грянуло ура*»).

В языке сказок следует отметить архаические падежные формы винительного, звательного падежа ед. числа и творительного падежа мнжс. числа. Эти формы сближают язык сказок с языком древнерусских письменных памятников. Ука-

¹ Слова «бедство» и «бедствие» фиксируются цит. выше акад. словарем 1847 г., как литературные для 1-й половины XIX в., см. т. I, стр. 93. Однако Пушкин, повидимому, относит слово «бедство» к разговорным; употребляя его в сказках, он в своих поэмах предпочитает слово «бедствие» (ср. стихи в поэме «Руслан и Людмила»: «И, бедствий празднуча конец, Владимир... запыривал» и в поэме «Медный всадник»: «И в думе, скорбными очами на злое бедствие глядел».

² См. «Словарь» Дала, 1903, т. I, ст. 8.

занные формы имеются в сказках «О рыбаке и рыбке», «О медведихе», «О царе Салтане», «О золотом петушке».

Отпусти ты, *старче*, меня в море;

Перед ним изба со светелкой...

С дубовыми тесовыми *вороты*;

А мешок-то у него за *плечьями*...

Крылами замахала. *Люди, на конь!*

Ср. с выражениями из «Сказания о Бове»: *Брате Полкане, помирися с Бовою*», «Не на чем мне выехать с *Маркобруновыми дворяны потешитца*», «А промеж *плечми* мерная сажень».

В языке сказок Пушкина наблюдаются формы, свойственные языку разговорно-просторечному и фольклорному: *спору нет*, с общего... *приговору, до дому*; поймав двух *заиков*; наливают... *заморские вины*; честь *хозяям* отдала, *всяким яством* угощала, в свете есть *такие ль дива?* *избо* нет, на знакомом *острову*; шуба в пятьдесят *рублев*.

Вот несколько примеров подобных форм из былин. «Дал молодец им пятьдесят *рублев*». «А в *другом погребу*... у Садка чербонцы лежат» (из былинны «Садко богатый гость»). «Сажали за столы *убранные за ества сахарныя*» (из былинны «О женитьбе князя Владимира»)¹. «Клади оне *рыбу в погребы глубокия*» (из былинны «Садко богатый гость»). Ср. также наличие указанных выше форм в басенном языке Крылова, близком к разговорному: «И пью из хрусталей блестящих *сладки вины*» («Муха и Пчела»); «Вот эта мне, как Льву, принадлежит *без спору*» («Лев на ловле»).

Имена прилагательные в языке сказок Пушкина также имеют некоторые особенности. Следует отметить формы нечленных и стяженных имен прилагательных, как в именительном, так и в косвенных падежах.

Вот некоторые примеры:

А сама-то *величава*...

Царь Салтан, с женой простяся,

На добра коня садяся,

Ей *наказывал* себя

Поберечь. . .

Объявили *царску* волю...

С *синя* мор: *глаз* не сводит.

(Сказка «О царе Салтане»).

¹ В языке фольклора слово «ества» встречается и в единственном и во множественном числе. Например, в духовном стихе «Царевич Иосиф Пустынный»: «Гнилая *колада* лучше царского ества». У Пушкина в сказке «О золотом петушке» — «*яством*».

В языке сказок Пушкина имеется около 40 нечленных прилагательных в функции сказуемого. В функции определения около 10 стяжённых имен прилагательных; им соответствуют членные формы (ср. «С *синя* моря», «У самого *синего* моря»). В поэтическом языке времени Пушкина стяжённые прилагательные в роли определения представляли явление не редкое, встречаются они и в поэтическом языке самого Пушкина¹. Однако, общее количество их, как в других стихотворных произведениях Пушкина, так и в сказках, очень невелико.

Употребление стяжённых прилагательных в функции определений совершенно обычно в языке фольклора.

Нахождение их в языке сказок можно объяснить тем, что они были необходимы поэту при обработке народных сказочных сюжетов в стилистических целях. Интересно отметить, что в сказках «О золотом петушке», «О попе и работнике его Балде», «О рыбаке и рыбке» стяжённых форм нет, в сказке «О медведихе»—1 («Приходил байбак тут *глумян*», ср. у Даля «глумянный», «Толковый словарь», 1903, т. I, стлб. 881); в сказке «О царе Салтане»—5 («На *дабра* коня», *Неведому* зверюшку», «*Царску* волю», «*Тонку* тросточку», «С *синя* моря»); в сказке «О мертвой царевне»—3 («К *красну* солнцу», «*Красно* солнце», «*Сине* море»).

Таким образом, Пушкин для языка своих сказок сделал строгий отбор словесных средств выражения: из языкового материала он взял только то, что было для него необходимо для яркого и точного выражения его поэтического замысла.

Один раз в языке сказок Пушкиным использована архаическая форма род. пад. имени прилагательного жен. рода единствен. числа на -ья.

Но живет без всякой славы,

Средь *зеленья дубравы*...

Та, что все ж тебя милей.

(Сказка «О мертвой царевне»).

Эта форма наблюдается в языке стихотворных произведений Пушкина и его современников, встречается она и в

¹ В различные годы поэтической деятельности Пушкина стяженные прилагательные в атрибутивной функции в его произведениях (имеются в виду стихотворные произведения) представлены различно: в ранние годы его творчества они встречаются в его стихах чаще, чем в более поздних; так в стихотворении «Городок» (1814 г.), их 11, в поэме «Медный всадник» (1833) — 8, хотя она значительно больше по объёму, чем стихотворение «Городок».

языке былин; ср., например, «Садчо... будег у тоя банни проезжая» («Сладко богатый гость»); «Молоды Дунаи... приехал... просить чесныя млсти (т. е. милости) («О женитьбе князя Владимира»).

В языке сказок имеется диалектная форма прилагательного «ради» (мн. ч.):

Тебя

Все мы любим, за себя

Взять тебя мы все бы *ради*.

(Сказка «О мертвой царевне»).

Эта форма вполне уместна в речи братьев-крестьян, богатых, у которых нашла приют царевна.

Использована в языке сказок, в реплике поварахи (сказка «О царе Салтане»), просторечная форма превосходной степени прилагательного «проклятый».

«*Распроклятая* ты мошка!

Мы тебя!».

В области имен числительных в языке сказок Пушкина обращают на себя внимание слова: *осьмой* (сказка «О золотом петушке»): «*Вот осьмой уж день проходит*» (ср. «Вот проходит восемь дней» — из той же сказки), «*Тридешатый*», «*тридешатый*» — в сказке «О золотом петушке»: «Негде в *тридешатом* царстве, в *тридешатом* государстве». Числительное «осьмой» является диалектным (см. цит. выше «Толковый словарь русского языка» под ред. Ушакова, II т., столб. 889); старинные числительные «тридешатый» и «тридешатый» обычно находятся в сказочном зачине (ср. тот же словарь, т. IV, столб. 799) и употреблены А. С. Пушкиным в стилистических целях.

Просторечное субстантивированное местоимение «всяк» встречается в авторском языке в сказке «О царе Салтане».

Князь Гвидон тот город правит,

Всяк его усердно славит.

В области глагольных форм выделяются в языке сказок просторечные усеченные формы инфинитива и повелительно-го наклонения, например:

Подь поближе, что прикажешь?

(Сказка «О золотом петушке»).

Выдь и покажися,

С нами честно подружися.

(Сказка «О мертвой царевне»).

Выдь ко мне.

(Из той же сказки).

А у князя жонка есть,
Что не можно глаз *ответь*...
Чудо чудное *завесть*
Мне б хотелось.

(Сказка «О царе Салтане»).

Этих форм в языке пушкинских сказок немного, все они стилистически в нем оправданы: формы повелительного склонения слышатся в устах братьев-богатырей и старухи-черницы; усеченные формы инфинитива наблюдаются в диалогах Гвидона и царевны и рассказе купцов.

Следует отметить, что в пушкинское время эта форма инфинитива имела литературное признание: ее нередко употребляют Державин, Крылов и др. поэты, нередко ее можно наблюдать и в поэгическом языке Пушкина¹.

В сказке «О медведихе» есть формы инфинитива на *-ти* (суффикс *-ти* без ударения).

Стали медвежата промеж собой играть,
По муравушке *валяются, обниматися,*
Боротися, кувыркатися.

Такие формы часто встречаются в языке русских песен, былин и др. произведений.

Ср.: Взялся батюшка у вас завтра в гости побывать,
Ты умей его *приняти*, умей *подчивати*.
(Из «Песни о сыне Сеньки Разина»)².

В языке сказок Пушкина встречаются формы повелительного склонения глагола с присоединенными к ним модально-приглагольными частицами *-ка* (просторечная) и *-тка* (диалектная), смягчающими волеизъявление, выражаемое пов. склонением глагола.

Кобылу *подыми-тка* ты,
Да неси ее полверсты...
Подожди-ка моего меньшого брата...
Собери-ка... оброк мне полный.
(Сказка «О попе и работнике его Балде»),
Попляши-тка под нашу балалайку.
(Сказка «О попе и работнике его Балде»).

Эти формы повелительного склонения свойственны и языку фольклорных произведений.

¹ Ср. § 22 в кн. В. И. Чернышева, «Правильность и чистота русской речи», 1911, там же можно видеть и многочисленные примеры.

² Цитир. по записям народных песен Пушкиным, «А. С. Пушкин, Стихотворения и сказки», стр. 273.

Вы *пойдите-ка*, выройте две ямы глубоких,
Вы поставьте-ка два столбика дубовых
(Из песни)

Туту жил-поживал господин
Волконский князь...
Отвори-тка свой высок терем¹.

В языке сказок Пушкина (в очень ограниченном количестве) встречаются формы деепричастия на *ючи* (1) и *ши* (3), свойственные языку фольклора:

Смотрит в поле, инда очи
Разболелись, *глядючи*.
(Сказка «О мертвой царевне»).

А царевич и царица,
Целый день *проведши* так,
Лечь решились натошак.
(Сказка «О царе Салтане»).

Ср. в песнях:

Она чару расшибла, вино все пролита,
Все *глядючи* на Ивана своего.
(Из свадебных песен).

Уж как понешние люди
Они малыды, лукавы,
С измаленька вороваты;
Не *видавши* — много видят,
Не *слыхавши* — много слышат.
(Из необрядовых песен)².

Эти деепричастные формы тоже сближают язык пушкинских сказок с языком фольклора.

С языком фольклора и разговорным языком народа сближает язык сказок почти полное отсутствие тех форм причастий, которые представляют собой явление книжного языка. В языке пушкинских сказок использованы во многих случаях формы причастий прошедшего времени страдательного залога, свойственные как письменно-книжному, так и языку фольклора и бытовому разговорному языку; в нем использовано только одно причастие действительного залога — на — *юц*:

Отвели они девицу
Вверх во светлую светлицу
И оставили одну,
Отходящую ко сну.
(Сказка «О мертвой царевне»).

¹ А. С. Пушкин, Слехотворения и сказки, 319, 300.

² Там же, стр. 282, 308.

Кроме этой формы, имеются в той же сказке формы «хранима» и «любима» — причастия настоящего времени страдательного залога, тоже свойственные, главным образом, письменно-книжному языку.

Нами ты была *любима*
И для милого *хранима*.

Из глагольных форм языка пушкинских сказок следует отметить так называемые глаголы ультрамгновенного вида — ах, хи-хи-хи, хватъ (простореч.) — в значении сказуемого.

Но царевна в обе руки
Хватъ — поймала (яблочко)...
И встает она из гроба...

Ах! — и зарыдали оба.
(Сказка «О мертвой царевне»).

А девица
Хи-хи-хи да *ха-ха-ха!*
(Сказка «О золотом петушке»).

Эти глагольные формы, часто встречающиеся в разговорной речи и языке фольклора, придают необычайную живость сказочному повествованию, сообщают ему характер непринужденной, оживленной речи.

Морфологические черты языка сказок Пушкина свидетельствуют о тесной связи поэтического языка Пушкина с разговорным языком народа, языком народно-устного творчества и древнерусских письменно-книжных памятников.

V. Синтаксические явления языка сказок Пушкина

В области синтаксиса выделяются особенности в:

- 1) согласовании,
- 2) управлении,
- 3) употреблении падежных форм, предлогов, союзов, постпозитивной частицы, времён, наклонений, инфинитива,
- 4) структуре предложений,
- 5) строении диалога.

1. О сдвигах в категории грамматического рода, а следовательно, и согласовании в роде имен существительных «лебедь» и «авось» было сказано выше, в обзоре морфологических явлений языка сказок Пушкина. При обзоре синтаксических явлений следует отметить один случай согласования сказуемого с подлежащим, выраженным именем существительным с собирательным значением. В сказке «О рыбаке и рыбке» в описании встречи старика-рыбака с женой, ставшей царницей, читаем:

Вокруг ее (старухи) *стоит* грозная стража,
На плечах топорики *держат*.

К подлежащему «стража» относятся сказуемые «*стоит*» (единственное число) и «*держат топорики*» (множ. число).

В других подобных случаях сказуемое с собирательным им. существ. сочетается обычно в ед. числе, напр.,

Пышный двор *встречает их*.

А народ-то над *ним насмеялся*.

Сдвиги в связях глагола-сказуемого с собирательным им существительным в роли подлежащего в языке фольклора — явление обычное.

Ср.: «Дружина *спит* так Вольх не спит»: «А и *ходят* ев-дружина по царству индейскому а и *рубят* старова, малова аи только *оставляют* по выбору душечки красны девицы». (Из былины «Волх Сеславьевич»)¹. Сдвиги в связях сказуемого с собирательным подлежащим сближают язык сказок Пушкина с языком фольклора.

2. Примерами особенностей управления в языке пушкинских сказок могут служить следующие выражения из сказки «О царе Салтане»:

Князь Гвидон тот *город правит*.

(вместо принятого в лит. языке «*править чем*»);

Что ты тих, как день *печастный*?

Опечалился чему? (вм. «чем опечален»).

(Сказка «О царе Салтане»).

А на зеркальце *свое*

Долго *дулась* и *сердилась*;

Наконец *об нем хватилась*... (вм. «его хватилась»).

(Сказка «О мертвой царевне»).

Такие же особенности в управлении падежом свойственны как языку разговорному и фольклорному, так и языку древнерусских письменных памятников.

Ср.: «Землю Русскую *управляше*» (Из «Жития... кн. Дмитрия Ивансвича»)².

Чему же мне смеяться?

(Записи народных песен Пушкиным, песня 31)³.

3. В языке сказок Пушкина наблюдаются особенности в употреблении предлогов, например:

¹ «Хрестоматия по истории русского языка», стр. 305—306.

² «Хрестоматия по др. русск. литературе», 1935, стр. 130.

³ А. С. Пушкин, Стихотв. и сказки, стр. 302. В стихе «Об нем хватилась», предл. падеж можно объяснить контаминацией «хватилась — вспомнила».

Все в том острове богаты,
Изоб нет, везде палаты,
А сидит в нем князь Гвидон.
(Из сказки «О царе Салтане»).

Однако в другом месте той же сказки вместо предлога «в» употреблен в том же значении обстоятельство места предлог «на»:

На знакомом острове
Чудо видят на яву.

Предлог «промеж» в языке пушкинских сказок сочетается с именами существительными в родит. падеже и только в одном случае в творительном.

Ср.: *И промеж высоких гор*
Видит царственный шатер
(Сказка «О мериной царевне»).

Стали медвежата *промеж собой* играть.
(Сказка «О медведихе»).

В пушкинское время предлог «промеж» считался «просто-народным» и употреблялся с родит. падежом¹.

В языке сказок употребление его с родит. падежом служит для выражения места действия; с творит. падежом местоимения он обозначает определенный круг действующих лиц (см. 2-й пример).

Предлог «между» в сказках Пушкин употребляет или с род. п. мн. числа, или с двумя именами сущ., из которых одно в род. пад. ед. ч., а другое — в род. пад. мн. ч. Например:

Гроб качается хрустальный
На цепях *между столбов*...
(Сказка «О мертвой царевне»).

Полетел и опустился *между моря и небес*
На корабль...
(Сказка «О царе Салтане»).

В обоих случаях предлог «между» в сочетании с существительными обозначает место развития действия. В первой половине XIX в. предлог «между» употреблялся и с родительным и с творительными падежами в разных значениях².

¹ См. «Словарь церковно-славянского и русского языка», 1847 г., т. III, стр. 539.

² Там же, т. II, стр. 295. В поэтическом языке самого Пушкина предлог «между» употребляется с родит. и с творит. падежами без особых стилистических мотивировок. Ср. в «Цыганах»: «Между колесами», «Между нами», «Между красавиц».

В языке народно-поэтического творчества колебания в употреблении предлогов, подобные отмеченным в языке пушкинских сказок, наблюдается довольно часто. Ср., например, в «Повести о горе-злосчастии» употребление предлогов «в» и «на»:

Не ходи, чадо, в пиры и в братчины,,
Не садись ты на место большее.
Пришел молодец на честен пир...
Посадили его... не в большее место,
Не в меньшее»¹.

В языке сказок Пушкина наблюдается повторение предлогов — черта, свойственная и языку фольклора.

Ср. в сказках Пушкина:
Вот в сочельник в самый в ночь
Бог дает царице дочь...

(Сказка «О мертвой царевне») и в былинке «Волх Сеславьевич»:

«По саду-саду по зеленому ходила гуляла молода княжна»².

В языке пушкинских сказок следует отметить частое повторение соединительных союзов — *а*, *и*. Союз *а* в языке сказок Пушкина очень часто используется в соединительном (а не в противительном только) значении: он выполняет соединительные функции в предложениях с однородными членами и сложно-сочиненных и присоединительные — после разделительной паузы, в начале предложения. В этом отношении роль союза *а* в языке сказок близка к роли союза *и*. Смысловое содержание союза *а* в контексте разнообразно. Повторение союзов имеет целью выделение указываемых понятий, а также служит и для выражения нарастания силы действия.

Вот несколько примеров повторения союзов в языке сказок Пушкина:

Месяц под косою блестит,
А во лбу звезда горит.
А сама-то величава,
Выступает будто пава;

¹ «Хрестоматия по древней русской литературе», 1935, стр. 301, 304. В сказке «О поле и работнике его Балде» имеется 2 варианта следующего стиха: «Платить обязались черти до самой моей смерти» (А. Пушкин. Сказки. Госполитиздат, 1936, стр. 41); и «по самой моей смерти» (А. С. Пушкин, Стихотв. и сказки, Академия, 1935, стр. 210). Ввиду неясности в тексте, приходится ограничиться только констатацией различий.

² «Хрестоматия по истории русского языка», стр. 304.

А как речь-то говорит,
Словно реченька журчит.
(Сказка «О царе Салтане»).

И царница хохотать,
И плечами пожимать...
И прищелкивать перстами,
И вертеться подбочась,
Гордо в зеркальце глядясь.
(Сказка «О мертвой царевне»).

Повторение соединительных союзов свойственно народно-поэтической речи и языку древнерусских письменных памятников. Повторение союзов в языке фольклора общеизвестно, поэтому нет необходимости останавливаться на иллюстрациях. Примеры из древнерусских письменных памятников: «Приказал он, архимандрит, тое пеньку в веревки свивать, да вчетверо сгибать, да на короткие палки вязать, да вздумали их шелепами называть» (из «Списка с челобитной Колязина монастыря»)¹.

Повторение союзов роднит язык сказок Пушкина с языком русского фольклора и др. русских письменных памятников.

В языке сказок Пушкина встречаются им. существительные с постпозитивной частицей. Эта частица свойственна разговорной речи и фольклорному русскому языку. В языке сказок Пушкина постпозитивная частица имеет форму «-то» и только в одном случае, в сказке «О медведихе,—форму «-от»:

А мужик-от он догадлив был. . .

А мужик-то ей брюхо порол.

Следует отметить, что постпозитивная частица в языке пушкинских сказок наблюдается не только с падежными формами им. существительных, но и (в одном, правда, случае) с глаголом (в сказке «О медведихе»):

А поклавши-то домой, пошел.

Вот, для сравнения, примеры из языка фольклора и древних письменных памятников:

Прибивала-то она молодца ко городу. . .

Один-то был у отца у матери единый сын.

Нос-от синь, — это свахин сын.

(См. последний пример в записи народных песен Пушкиным)².

¹ «Хрестоматия по др. русск. литературе», стр. 349.

² А. С. Пушкин, Стихотворения и сказки, стр. 279, 298.

Сказочное повествование, спокойное, неторопливое и выразительное, с свойственными ему повторениями сцен, зачинами и концовками, в сказках Пушкина перемежается диалогами, риторическими вопросами автора, его восклицаниями, эмоционально передающими его отношение к изображаемому. Богатый в смысловом отношении, яркий, экспрессивный язык автора-рассказчика содержит разнообразные языковые средства — в частности формы различных времен, наклонений, инфинитив, глаголы ультрамгновенного вида; автор использует эти средства в зависимости от смыслового содержания и эмоционального тона сказочного повествования. Рассказ ведется в формах прошедшего времени глаголов; однако эти формы в описаниях часто переходят в формы настоящего времени, живописуя рассказ, воскрешая прошлое, сообщая ему живость и яркость настоящего, так что оно происходит как бы перед глазами читателя. Наличие форм настоящего времени вместо прошедшего характерно для всех сказок Пушкина. Этот прием слабее представлен в сказке «О медведихе»; в ней почти все глаголы выражены в форме прошедшего времени.

См., например, описание встречи князя Гвидона на острове, сцену на море во время охоты князя, рассказы корабельщиков — из сказки «О царе Салтане», или повествование о том, как королевич Елисей разыскивал свою невесту — из сказки «О мертвой царевне».

В описаниях вместо настоящего времени глаголов иногда автор употребляет формы будущего времени с целью изобразить или стремительность действий персонажа, или повторяемость их, обычность. Например, в сказке «О мертвой царевне»:

*Как царица отпрыгнет,
Да как ручку замахнет,
Да по зеркальцу как хлопнет,
Каблучком-то как пригонет!..
А хозяйшккой — она
В терему меж тем одна
Приберет и приготовит*

(Сказка «О мертвой царевне»)

*До светла все у него пляшет,
Лошадь запряжет, полосу вспашет,
Печь затопит, все заготовит, закупит,
Яичко испечет да сам и облупит.*
(Сказка «О попе и работнике его Балде»).

Форма будущего простого в сказке «О царе Салтане» использована и для изображения повторяющейся еженощно картины морского прилива:

*Море вздуется бурливо,
Закипит, подымет вой,*

Хлынет на берег пустой...

В языке пушкинских сказок очень выразительное употребление инфинитива: он служит для передачи безапелляционного приказа, для выражения стремительного действия, для обозначения начала действия, для указания предполагаемого действия, а с наречием «как» или с отрицанием — невозможного в данное время действия, для выражения неопределенности, колебаний. Во всех этих случаях инфинитив в контексте рассказа сближается по смыслу с соответствующими наклонениями. Примеры:

Дал гонцу такой приказ:

«Ждать царева возвращенья...».

(Сказка «О царе Салтане»).

И царица *хохотать*

И плечами *пожимать*

И *подмигивать* глазами,

И *прищелкивать* перстами и т. д.

Она его *ласкать*,

Треплет нежною рукою.

(Сказка «О мертвой царевне»).

Пораздумай ты пугем,

Не раскаться о потом.

(Сказка «О царе Салтане»).

Уж как мне с тобой, моей боярыней,

Веселой игры *не игрывать* и т. д.

(Сказка «О медведихе»).

Но лишь чуть со стороны

Ожидать тебе войны...

Вмиг тогда мой петушок

Приподымет гребешок и т. д.

(Сказка «О золотом петушке»).

Как мне быть? Ведь я невеста.

(Сказка «О мертвой царевне»).

Богатство тончайших оттенков смысла, которые могут быть выражены различными формами русского глагола, Пушкин вскрыл в языке русского народного устного творчества и живом, разговорном народном языке, — вскрыл, изучил и на своем гениальном творческом опыте показал, как надо

пользоваться богатейшими речевыми средствами родной речи. К внимательному изучению мощи русского языка во всем богатстве его явлений, во всей красочной выразительности его стилевых возможностей призывает нас высокохудожественный, подлинно народный язык сказок Пушкина.

3. Структурной основой предложения в языке сказок Пушкина является двучленное предложение различных конструкций; однако и одночленные предложения играют большую роль в языке сказок¹. Преобладание двучленных предложений в языке сказок в значительной мере способствует его синтаксической простоте и доступности. Богатство разговорных интонаций, риторические вопросы, поддерживающие внимание читателя и слушателя, восклицательные предложения, передающие настроение и эмоции автора, множество ярких и вежливых фразеологических сочетаний, идиоматические выражения, пословицы и поговорки, — все это придает языку сказок Пушкина характер безыскусственного, эмоционально насыщенного, красивого по форме, яркого и доходчивого до сознания читателя и слушателя сказочного повествования.

Из всех членов предложения особой экспрессией выделяются сказуемые. Способ их грамматического выражения многостилен — от нейтральных по стилю глагольных форм до междометных глаголов и фразеологических групп, придающих фразе меткость и силу. Вот несколько примеров этого рода сказуемых:

Субстантивные сказуемые:

Уж диковинка, ну право...

Город у мряя стоит...

Распроклятая ты мошка!

Мы тебя!...

(Сказка «О царе Салтане»).

В сказуемом количественно-именное сочетание:

В корыте много ли корысти.

(Сказка «О рыбаке и рыбке»).

В сказуемом междометный глагол:

Царевна в обе руки

Хватъ — поймала.

(Сказка «О мертвой царевне»).

В сказуемом фразеологические словосочетания разговорной речи:

¹ Подсчет двучленных и одночленных предложений в сказке «О попе и работнике его Балде» показывает, что двучленных предложений в нем в 7 раз больше, чем одночленных (134 : 18).

Так и так: что делать остается?..

Закажи Балде службу, чтоб стало ему не в мочь.

(Сказка «О попе и работнике его Балде»).

Поделом тебе, старый невежа!..

Что ты, баба, белены объелась?

(Сказка «О рыбаке и рыбке»).

Лебедь нас к тебе послала

И наказом наказала.

(Сказка «О царе Салтане»).

В сказуемом безлично-предикативное наречие:

Ладно ль за морем, иль худо?

(Сказка «О царе Салтане»).

Добро! Будет старуха царницей!

(Сказка «О рыбаке и рыбке»).

В сказуемом междометие:

Повариха и ткачиха ни гу-гу.

(Сказка «О царе Салтане»).

Следует также отметить удвоение глагола-сказуемого, придающее речи разговорный тон и служащее для выражения интенсивности проявления действия (в призывах о помощи):

Караул! Лови, лови,

Да дави его, дави...

(Сказка «О царе Салтане»).

Народная основа синтаксиса языка сказок Пушкина называется в определениях (эпитетах), приложениях, обращениях, вводных словах и предложениях, семантически и конструктивно совпадающих с теми же элементами предложения в языке народно-поэтического творчества.

Ср. в сказках Пушкина:

Царь Салтан, с женой простяся,

На добра—коня садяся...

Объявили царску волю...

В синем небе звезды блещут...

(Сказка «О царе Салтане»).

Ой вы, молодцы честные,

Князь Гвидон ей отвечает:

Братцы вы мои родные...

«Грусть-тоска меня съедает...»

Ой вы, гости-господа,

Долго ль ездили? Куда?

(Сказка «О царе Салтане»).

Отправляется в дорогу
За красавицей-душой...
(Сказка «О мертвой царевне»):

Напоено

Было ядом *знать* оно...

Без меня царевна *видно*

Пробежала...

(Сказка «О мертвой царевне»):

Князь Гвидон

Шлет-де свой царю поклон...

Правду молвить, молодица

Уж и впрямь была царица...

(Сказка «О мертвой царевне»):

Ср. в языке фольклора:

Припечалился хозяин Сенька Разин Атаман:

«*Знать-то знать*, что мой сыночек во неволюшке сидит»...

Я вечер, вечер, *добрый молодец*,

Вечер загулялся...

Как у нашего князя

Невеселые кони стоят;

Они чуют *путь-дороженьку*¹.

С бытовой разговорной народной речью сближают язык пушкинских сказок также и частицы, свойственные разговорному, бытовому языку, например:

Видь какая подросла!

(Сказка «О мертвой царевне»):

Что тут дивного? *Ну, вот*.

Белка камушки грызет...

Это диво *так уж* диво...

За морем житье не худо,

В свете ж *вот* какое чудо.

(Сказка «О царе Салтане»):

Уж как я вас мужику не выдам...

Эти две последние частицы в своем сочетании характерны для языка фольклора. Ср.:

Уж как все гости собрался,

Одного-то гостя нет как нет.

(См. записи народных песен Пушкиным).

¹ А. С. Пушкин, Стихотворения и сказки, стр. 287, 274, 315.

Сюда же надо отнести плеонастическую присоединительную частицу *что*¹, напр.,

Что из лесу, из лесу, из дремучего,
(Сказка «О медведихе»).

Близость языка сказок Пушкина к разговорному языку русского народа, к языку русского народно-устного поэтического творчества сказывается в естественном, не затемненном инверсией порядке членов предложения. Инверсия в языке пушкинских сказок обычно стилистически мотивирована.

В сказках подлежащее обычно занимает место перед сказуемым. Относящиеся к подлежащему зависимые члены предложения располагаются в отношении к нему или препозитивно (определения, выраженные согласованными словами), или постпозитивно (несогласованные определения, согласованные обособленные определения). Постпозитивное положение согласованного определения, выраженного прилагательным или другим согласованным словом, свидетельствует или о подчеркнутом выделении признака, или выделено по требованию размера стиха, или же объясняется стилизацией речи в духе народнопоэтического слога.

Вот несколько примеров, иллюстрирующих расположение членов предложения в языке сказок Пушкина.

*Сын подумал: добрый ужин
Был бы нам однако нужен...
А ткачиха с поварихой,
С сватьей бабой Бабарихой
Около царя сидят...*
(Сказка «О царе Салтане»).

*И к царевне наливное,
Молодое, золотое
Прямо яблочко летит...*
...Кругом

Лавки, крытые ковром...
(Сказка «О мертвой царевне»).

*А землянки нет уж и следа;
Перед ним изба со светелкой,*

¹ А. С. Пушкин, Стихотворения и сказки, стр. 302. Частица «что» в языке фольклора имеет разнообразные смысловые оттенки, напр., усиительное, сравнительное и др. Ср. у Пушкина в «Песнях о Ст. Разине», «Что ничем еще тебя мы не дарили», (Здесь «что» в значении противопоставления).

*С кирпичною, беленою трубою
С дубовыми, тесовыми вороты.*
(Сказка «О рыбаке и рыбке»)
На кого меня ты покинула,
Вдовца *несчастливого*,
Вдовца *горемычного*?
(Сказка «О медведихе»).

Инверсивное расположение сказуемого (перед подлежащим) мотивируется стилем сказочного повествования. Например:

Негде, в тридевяти царстве,
В тридесятом государстве,
Жил-был славный царь Дадон.
(Сказочный зачин из сказки «О золотом петушке»)
*Приходил тут бобер, торговый гость,
Приходила ласочка-дворяночка...*
(Сказка «О медведихе»).

Дополнение обычно следует за сказуемым.

Инверсивное расположение дополнения в отношении сказуемого объясняется или требованиями стиха, или смысловым заданием высказывания, в котором объекту уделяется особое внимание. Вот некоторые примеры указанного расположения дополнения:

Сына бог им дал в аршин...
Едет с грамотой гонец...
(Сказка «О царе Салтане»).

Обстоятельства обычно располагаются после сказуемого, однако логическое ударение может выдвигать обстоятельство **главное** слово вперед. Обстоятельства времени обычно занимают место перед главными членами. Примеры:

Вот идет он к *синему морю*,
Видит *на море* черная буря.
(Сказка «О рыбаке и рыбке»)
С поля глаз она не сводит...
Рано утром гость желанный,
День и ночь так долго жданный
Издавеча, наконец,
Воротился царь-отец.
(Сказка «О мертвой царевне»).

Вот для сравнения несколько примеров из народных сказок: «Жили-были два брата, у одного было два сына, а у другого — сын да дочь. Первый победнее был..., а второй—

побогаче. Сам собирается на ярмарку в Нижний, а дочку дома оставил. Брат брату и наказывают»¹.

В строе сложного предложения в языке сказок Пушкина рсчитительно преобладает сочинение. Например, случаев сочинительного сочетания предложений в сказках «О золотом петушке» и «О медведихе» в 5 раз больше, чем подчинительного. Как в сложно-сочиненных, так и в сложно-подчиненных предложениях преобладает бессоюзное сочетание простых предложений.

В сложно-сочиненных предложениях поэт использовал в качестве синтаксических связей между сочетающимися предложениями наиболее употребительные в разговорном языке и языке народно-поэтического творчества сочинительные союзы: *и, а, иль, но, да и, да* — в соединительном, противительном, разделительном и присоединительном значении. Особо следует отметить сочинение *после разделительной* паузы при помощи союза *а*.

Примеры сочинительного сочетания предложений внутри сложных и после разделительной паузы:

В кухне злится повариха,
Плачет у станка ткачиха,
И завидуют оне
Государевой жене.

(Сказка «О царе Салтане»).

На пороге сидит его старуха,
А перед нею разбитое корыто.
(Сказка «О рыбаке и рыбке»).

Старичок хотел заспорить,
Но с царями плохо вздорить,
Царь хватил его жезлом
По лбу; тот упал ничком,
Да и дух воп.

(Сказка «О золотом петушке»).

(Чернавка царевне) ...сказала:
«Не кручинься, бог с тобой».

А сама пришла домой...
«Не губи меня, девица!

А как буду я царица,
Я пожалую тебя».

(Сказка «О мертвой царевне»)¹.

В области сложно-подчиненных предложений следует отметить весьма частое в языке сказок Пушкина бессоюзное

¹ «Русский фольклор», сост. проф. Н. П. Андреев, 1938, стр. 423.

сочетание предложений и использование наиболее употребительных в разговорной речи и языке фольклора подчинительных союзов и союзных слов: *кабы-то* (ср. литератур. 'если-то'); *только*; *между тем, как*; *лишь, что*, (в разнообразных значениях); *чтобы, чтоб* (в различных значениях); *кто, чем, коль, если* (ср. литератур. «если»).

Вот несколько примеров предложений этого вида в языке сказок Пушкина:

«Опять моя старуха бунтует:
Уж не хсчет быть она дворянкой,
Хочет быть вольною царицей».

(Сказка «О рыбаке и рыбке»).

«Снесешь кобылу, оброк уж твой;
Не снесешь, ан будет мой».

(Сказка «О попе и работнике его Балде»).

«...*Коль* ты старый человек,
Дядей будешь нам навек».

...Она...

Как под крылышком у сна,
Так тиха, свежа лежала,
Что лишь только не дышала.

(Сказка «О мертвой царевне»)¹.

В языке сказок не редкость и сложные целые, включающие как сочинение, так и подчинение предложений. Встречаются также и однородные соподчиненные предложения, образующие ряд предложений, дополняющих в смысловом отношении друг друга. Все эти синтаксические конструкции свойственны и языку фольклора. В языке сказок Пушкина обычно такие сложные синтаксические построения не многочленны, грамматически очень стройны и по смыслу совершенно ясны и доступны.

Вот примеры этого рода построений из сказок Пушкина:

Он горько плачет,
И кого не спросит он,
Всем вопрос его мудрен:
Кто в глаза ему смеется,

¹ Соотношение между союзным и бессоюзным сочетанием предложений внутри сложного можно выразить соответственно так: 1 : 3. Решительное преобладание сочинительного сочетания над подчинительным и бессоюзного сочетания над союзным наблюдается в языке русского фольклора. Так, в 2 песнях «О сыне Степана Разина», записанных Пушкиным, соотношение сочинения предложений к подчинению равно 2 : 1, таково же, приблизительно, и соотношение бессоюзного сочетания предложений к союзному.

Кто скорее отвернется;
К красну солнцу наконец
Обратился молодец...
Лишь ее похоронили,
Свадьбу тотчас учинили,
И с невестою своей
Обвенчался Елисей;
И никто с пачала мира
Не видал такого пира,
Я там был, мед, пиво пил,
Да усы лишь обмочил.

(Сказка «О мертвой царевне»).

Для сравнения вот несколько примеров из народных песен, записанных Пушкиным:

«Вскачните колыбель высоко!
Сголь высоко, выше клену стоячего,
Ниже облака ходячего,
Чтобы видно было тестев двор,
Чтобы видно было тещин терем»...
..Много, много у княгини души
Много роду, много племени,
Только нету у княгини души
Нету родной матушки:
Благословить есть кому,
Спарядить некому¹.

При изучении языка сказок Пушкина нельзя не отметить высокого мастерства диалога в них. Персонажи сказок, принадлежащие к различным социальным слоям, говорят свойственным им языком, обнаруживая свои мысли, привычки и склонности, свою классовую принадлежность. С удивительным мастерством, в ярких реалистических тонах изображен Пушкиным легивый, заносчивый и вероломный сластолюбец царь Дадон. К выразительной портретной характеристике Дадона автор сказок присоединил диалоги, дополняющие эту характеристику новыми яркими чертами, связывающими сказочное прошлое с современной Пушкину действительностью — с образом Николая I.

Вот разговор Дадона с воеводой и царедворцами:

«Царь ты наш! Отец народа!»
Возглашает воевода,
«Государь! Проснись! Беда!»

¹ А. С. Пушкин, Стихотворения и сказки, стр. 286, 301.

«А? Кто там? Беда какая?»

«Что такое, господа?»

Говорит Дадон, зевая,

Вот его диалог с звездочетом.

Сначала непринужденная, фамильярная, беседа Дадона с стариком-звездочетом переходит в ругань и угрозы по адресу мудреца:

«А! Здорово, *мой отец*» ..

...Что скажешь?

Подь поближе; что прикажешь?».

Когда звездочет настойчиво стал добиваться выдачи шамаханской царицы, Дадон переходит к брани и угрозам:

«Или бес в тебя ввернулся,

Или ты с ума рехнулся.

Что ты в голову забрал?

Я, конечно, обещал,

Но всему же есть граница...

Полно, знаешь ли, кто я?».

В лирических тонах подаются разговоры царевны Лебеди и князя Гвидона из сказки «О царе Салтане»:

«Здравствуй, князь ты мой прекрасный!

Что ты тих, как день ненастный?

Опечалился чему?»

«Грусть-тоска меня съедает,

Одолела молодца»...

Вот речь царя Салтана из той же сказки. Он — большой любитель слушать рассказы о чудесном. Он засыпает купцов вопросами:

«Ой вы, гости-господа,

Долго-ль ездили? Куда?

Ладно ль за морем, иль худо?

И какое в свете чудо?»

Ему хочется самому взглянуть на те чудеса, о которых рассказывают ему купцы, и он все порывается съездить на остров Буян к князю Гвидону:

«Коль жив я буду,

Чудный остров навещу,

У Гвидона погощу».

Однако интриги придворных (ткачихи, поварихи—сестер его жены-царицы) мешают его путешествию. Зная слабости Салтана, его страсть к чудесному, они пронизируют над рассказами купцов и в свою очередь сами рассказывают царю об очередном чуде. Речь его родственниц проникнута про-

нией, злобой к царице, которую им удалось устранить, созданием своего влияния на царя:

«Уж диковинка, ну право,—
Подмигнув другим лукаво,
Повариха говорит, —
Город у моря стоит!
Знайте, вот что не безделка...
Вот что чудом-то зовут...»

Речь персонажей из сказки «О царе Салтане» основана на живом, разговорном, бытовом языке; она пестрит просторечными элементами, в ней не редкость встретить пословицу, поговорку, а иногда и фамильярное слово.

Характерна речь попа из сказки «О попе и работнике его Балде». Скупой и трусливый поп переходит от отчаяния к надежде, от печали к успокоению и заносчивости. Соответственно меняется и его речь.

Вот он попадьё признается:
«Так и так: что делать остается?».

Успокоенный советами попадьи, он осмелел и стал даже покрикивать на Балду:

«Поди-ка сюда,
Верный мой работник Балда.
Слушай...».

Речь работника Балды в его обращении с чертями груба, насмешлива, в ней много просторечных, фамильярных, иронических слов и выражений, встречаются в ней и вульгаризмы:

«Вы не *платите* оброка...
Вот ужо будет нам *потеха*,
Вам, *собакам*, великая помеха...
Экого послали *супостата*...
Глупый ты бес,
Куда ж ты за нами полез?..».

Груба, заносчива, бессердечна речь старухи из сказки «О рыбаке и рыбке». Жадная, завистливая старуха, не знающая пределов своим желаниям, на каждом шагу бранит своего мужа, унижает его, дает ему вздорные поручения. В ее речах много бранных слов, грубых, беззастенчивых угроз, издевательства:

«*Дурачина* ты, прямой простофиля!
Выпросил, *простофиля*, избу!..
Как ты смеешь, *мужик*, спорить со мною,
Со мною, дворянкой-столбовою?..».

«Ступай к морю, — говорят тебе чество,
Не пойдешь, поведут поневоле...»

Речь старика-рыбака почтительна и ласкова в отношении к золотой рыбке:

Бог с тобою, золотая рыбка!..

Ступай себе в синее море,

Гуляй там себе на просторе...

Смилуйся, государыня-рыбка...

И только тогда, когда речь заходит о старухе, старик позволяет себе грубые, бранные слова; они становятся все более резкими, по мере того, как старику приходится передавать все более и более вздорные требования жены: «сварливая баба», «вздурилась», «моя старуха бунтует», «что делать с проклятою бабой».

В разговорах с старухой — «столбовой дворянкой», а потом «грозною царицей» — речь рыбака груба, насмешлива:

Здравствуй, *барыня-сударыня, дворянка!*

Чай теперь *твоя душенька* довольна...

Здравствуй, *грозная царица!*

Ну, теперь *твоя душенька* довольна...

Что ты, баба, *белены объелась?*

Ни ступить, ни молвить не умеешь...

Жестока, насмешлива и высокомерна речь царицы из сказки «О мертвой царевне», когда она говорит с волшебным зеркальцем о царевне или когда она спрашивает свою сеньную девушку о судьбе царевны:

Ах ты, *мерзкое стекло!*

Это *врешь* ты мне на зло.

Как тягаться ей со мною?

Я в ней дурь-то успокою.

Вишь какая подросла!...

«Что? — сказала ей (Чернавке)»

царица, —

Где красавица-девица?».

Скромна, проста и задушевна речь Чернавки в разговоре с царевной, которую она любит:

Та, в душе ее (царевну) любя,

Не убила, не связала,

Отпустила и сказала:

«*Не кручинься, бог с тобой.*»

Коварна и лжива речь царицы, переряженной в старуху — черницу, в ее беседе с царевной, которую она собралась погубить:

«Ох, ты, *дитятко девица!*»

В ее речи перковная фразеология, вполне понятная в устах черницы; но речь её не чужда и светской фразеологии: черница много странствовала, много видела, привыкла и к светскому обращению:

*«Благодарствую...»
«Бог тебя благослови»...
...«Ради скуки
Кушай яблочко, мой свет.
Благодарствуй за обед».*

В речах семи братьев-богатырей слышен язык крестьян, язык фольклора:

*Что за диво!
Все так чисто и красиво.
Кто-то терем прибирал,
Да хозяев поджидал.
Кто же? выдь и покажися...
Коль ты старый человек,
Дядей будешь нам навек,
Коли парень ты румяный,
Братец будешь нам названный...*

Когда царевна готова отказаться стать женой одного из них, старший брат с иронией говорит:

*«Что ж качаешь головой?
Аль отказываешь нам?
Аль товар не по купцам?..
Спрос не грех, Прости ты нас...
Коли так, не зайкнуся
Уж о том».*

Ответ царевны прост, сердечен, выражен разговорным языком:

*Ой вы, молодцы честные,
Братцы вы мои родные...
Коли лгу, пусть бог велит
Не сойти живой мне с места...*

Но царевна принадлежит к высшему обществу, она воспиталась при царском дворе, поэтому ее речь не чужда и книжной фразеологии:

*«Всех я вас люблю сердечно,
Но другому, я навечно
Отдана. Мне всех милей
Королевич Елисей»¹.*

¹ Ср. ответ Татьяны Онегиной: «Я вас люблю (к чему лукавить?), но я другому отдана; я буду век ему верна». («Евгений Онегин», гл. VIII, 47).

В духе фольклора выдержана речь королевича Елисея в его обращениях к солнцу, месяцу и ветру:

Месяц, месяц, мой дружок,
Позолоченный рожок!..
Свет наш, солнышко! Ты ходишь
Круглый год по небу...
Ветер, ветер! Ты могуч,
Ты гоняешь стаи туч,
Ты волнуешь сине море...

В том же духе выдержан и ответ солнца, месяца и ветра. Языком фольклора написаны обращение медведихи к медведям и причитания медведя:

Ох, вы, детушки, медвежатушки,
Перестаньте по муравушке валяться...
Ах ты, свет, моя медведиха,
На кого ты меня покинула,
Вдовца несчастного,
Вдовца горемычного?..

Язык сказок Пушкина свидетельствует о глубоком изучении поэтом живой разговорной речи различных слоев русского общества, о глубоком освоении языка народного поэтического творчества. При литературной обработке русских сказочных сюжетов Пушкин не стилизует язык своих сказок, используя слова, формы и синтаксические конструкции, свойственные народной русской речи, а совершенно свободно выражает свои мысли языком, в основу которого положена русская народная речь. Такой характер авторской речи Пушкина обнаруживается как в самом сказе, так и в тех местах повествования, где автор использует прием косвенной передачи чужого высказывания. Язык автора часто сливается с языком персонажей его сказок.

Вот несколько примеров авторского языка Пушкина:

Призадумался поп,
Стал себе почесывать лоб.
Щелк щелку ведь розь...
Прибежал бесенок, задыхаясь...
Мысля: *дело с Балдою сладить*.
(Сказка «О попе и работнике его Балде».)
Старик не осмелился *перечить*,
Не дерзнул поперек слова молвить
(Сказка «О рыбаке и рыбке».)

Видит девица, что тут
Люди добрые живут;
Знать, не будет ей обидно.
(Сказка «О мертвой царевне»)
Черт ли сладит с бабой гневной?..
Вмиг по речи те спознали,
Что царевну принимали...
(Там же)
Царевна... покрасневшись, извинилась,
Что-де в гости к ним зашла,
Хоть звана и не была.
(Там же)

В язык автора часто входят слова, выражения и формы, свойственные языку того слоя людей, о которых он рассказывает, как, например, «зайксв» («Поймал *двух зайков*, да в мешок» — сказка «О попе и работнике его Балде»), «*хозяям*» («*Честь хозяям отдала* — сказка «О мертвой царевне»); «*в затылке почесали*» («Братья молча постояли, да *в затылке почесали*» — сказка «О мертвой царевне»); «*И согласно все опять стали жить да поживать*» — там же; «*Жемчуги, огрузили шею*» (сказка «О рыбаке и рыбке»); («*А мешок-то у него за плечьми*»); «*Не можно*» («*А у князя жонка есть, что не можно глаз отвесть*»).

* * *

Анализ языка пушкинских сказок свидетельствует о том, что в основе его лежит живая, общенациональная, народная русская речь. В народном языке Пушкин ценил простоту и реализм слова, его непосредственную связь с предметом, с пониманием, отсутствии ненужной метафоричности, жеманства, следности, которым отличалось слово языка дворянского салона.

Гениальный художник слова, А. С. Пушкин был и неутомимым тружеником.

Он не только изучал живую речь в устах народа, в различных его социальных слоях, он тщательно изучал песни, сказки, пословицы, древнерусские письменные памятники, произведения современной ему литературы.

Создавая новый, реалистический язык новой русской, реалистической литературы, борясь как против языка приверженцев карамзинской реформы, так и против языка писателей — приверженцев реакционной дворянской литературы — шинковистов, Пушкин в литературный язык тщательно отбирал все

веское, меткое, образное как из современного языка, так и из языкового наследия; включил в него все то, что имело тенденцию жить, укрепляться и развиваться, стать общенациональным достоянием.

Дело Пушкина, как основоположника русского литературного языка, — это не простой синтез основных стихий русского литературного языка, а глубокая переработка русского литературного языка *на народной, национальной основе, соответственно новому этапу развития русского общества, развития русской художественной литературы.*

Карамзинисты и шишковисты отстаивали свои идеи, свой узко классовый литературный язык, узко классовую литературу, далекую от народа, непонятную широким массам трудящихся. Иными, прогрессивными были языковые позиции Пушкина: отражая стремления передовых людей своего времени — декабристов, Пушкин стремился к истинной народности, действовал во имя народа и для народа. Создавая русский литературный язык на национальной основе, создавая реалистический язык литературы, Пушкин основал его на всем богатстве русской речи. Он действительно приблизил литературу, литературный язык, науку, искусство к пониманию широких народных масс.

Созданный Пушкиным литературный язык — плоть от плоти, кровь от крови русского народа, его языкового творчества. Из недр народного языка почерпнул Пушкин мякоть литературной речи, ее синтаксический строй, ее меткость и силу.

Лингвистический анализ языка сказок свидетельствует о русском самобытном, народном синтаксическом строе созданного им литературного языка. Как было указано выше, порядок следования членов предложения, грамматические средства сочетания предложений в составе сложного, строение диалога, лексический состав, фразеология, формы слов — все это в языке сказок Пушкина (как и в языке других его произведений) русское, национальное, народное, как народно-самое содержание их, образы, картины русской природы и быта. И было бы неправильным и исторически не оправданным приписывать великому русскому национальному поэту А. С. Пушкину тенденцию следовать синтаксическому строю французского и английского языка в организации предложения в русском

литературном языке, созданном им¹. Это значило бы дело Пушкина, как создателя русского литературного языка, сводить к подражанию иноземным образцам, принижать русскую литературу и отрицать самобытность русской культуры, так как язык — орудие культуры.

На самом же деле Пушкин в созданном им русском литературном языке устранил все то, что противоречило русским национальным языковым нормам, что в нем оказывалось уже не жизнеспособным, не отвечающим состоянию общественного развития, не имеющим тенденций к сохранению и развитию в дальнейшем.

Отметая в системе русского литературного языка все классово ограниченное, Пушкин видел основу его в народном языке, во всем богатстве его лексических, грамматических и стилистических средств.

Язык сказок Пушкина — один из важнейших этапов работы поэта над созданием системы национального русского литературного языка. Ко времени появления его сказок поэтический язык Пушкина в основном уже сложился, и он имел возможность проверить и уточнить созданную им языковую систему в процессе литературной обработки народных сказочных сюжетов². Сказки в этом отношении оказались очень благодарным материалом: представлялась полная возможность использовать в их тексте различные языковые средства во всем их стилистическом разнообразии для выражения богатейшего содержания сказок.

Язык сказок Пушкина прост и доходчив, содержание их серьезное и многозначительное и вместе с тем яркое и

¹ См. об этом в кн. В. В. Виноградова, «Очерки по истории русск. лит. языка XVII—XIX вв.», стр. 246—247. Ср. также помещенную там цитату из письма П. Мериме к Соболевскому и приводимые В. В. Виноградовым параллели из повести «Пиковая дама» Пушкина на русском языке и во французском переводе, которые, по мысли В. В. Виноградова, очевидно, должны подкреплять выставленный им тезис о «признании» Пушкиным синтаксического строя французского языка «образцом» для синтаксиса созданного им русского литературного языка. Этот тезис является проявлением космополитических извращений в вопросе о формировании современного русского литературного языка. Однако в своей статье «А. С. Пушкин — основоположник русского литературного языка» («Изв. АН СССР, т. VIII, в. 3, 1949 г.>) ак. В. В. Виноградов утверждает мысль о народной основе русского литературного языка, основоположником которого был А. С. Пушкин.

² О настойчивой и серьезной работе Пушкина над сказками очень убедительно свидетельствуют варианты текстов сказок.

легко воспринимаемое, а потому и твердо запоминающееся. Сказки написаны Пушкиным более ста лет тому назад, но они и до сих пор действенны и свежи, попрежнему возбуждают мысль и чувство читателя.

Сказки великого русского поэта, заимствованные им у народа, сами превратились в народные; меткий и образный их язык, блистающий острыми, меткими и яркими народными словами и пословицами, сам стал источником пословиц и поговорок.

Высокохудожественные образы и язык пушкинских сказок являлись и являются предметом изучения, они вдохновляли и вдохновляют творчество деятелей искусства — художников, артистов, композиторов, мастеров художественного слова.

Победы Великого Октября обеспечили братским народам Советского Союза неограниченные возможности овладевать достижениями многовековой культуры великого русского народа, и произведения гениального русского поэта А. С. Пушкина стали общим достоянием многонациональной семьи народов нашей великой Родины. Сказки Пушкина переведены на десятки национальных языков. Вместе с другими произведениями великого русского поэта они вошли в золотой фонд мировой литературы.

УЛЬЯНОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ
ИНСТИТУТ

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ

ПУШКИНСКИЙ
ЮБИЛЕЙНЫЙ
СБОРНИК

гөр УЛЬЯНОВСК
1949 г.